

18+

ОЛЬГА НЕПОДОБА

ДЕНЬ
БОЖЬИХ КОРОВОК

Ольга Неподоба
День божьих коровок

«Издательские решения»

Неподоба О.

День божьих коровок / О. Неподоба — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-984133-9

Повесть от первого лица рассказывает о человеке, чей острый психологический кризис совпал с загадочными и угрожающими явлениями, которые внезапно откуда-то обрушились на землю. Герой путешествует в причудливом лабиринте реальных эпизодов и вымышленных ситуаций, с беспощадной самоиронией анализируя мысли и чувства в поиске ответов на жизненно важные вопросы.

ISBN 978-5-44-984133-9

© Неподоба О.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	31
Конец ознакомительного фрагмента.	50

День божьих коровок

Ольга Неподоба

Дизайнер обложки Ульяна Александровна Зазуля
Фотограф Владимир Анатольевич Зазуля

© Ольга Неподоба, 2020

© Ульяна Александровна Зазуля, дизайн обложки, 2020

© Владимир Анатольевич Зазуля, фотографии, 2020

ISBN 978-5-4498-4133-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Посвящается Дмитрию Ныркову.
С благодарностью за новые горизонты,
вдохновение, доброту и терпение!*

Вот так, день за днем,
мне предстояло теперь
всю жизнь отворачиваться
от собственной памяти.
До тех самых пор,
пока однажды не позовет
меня снова тот далекий голос
в кромешной тьме...

Харуки Мураками

Глава 1

ШАПКА-НЕВИДИМКА

Когда я был маленьким мальчиком в коротких штанишках, я мечтал о волшебной мази, которая бы сделала меня невидимым. Потом я стал взрослым, начал писать и хотел стать успешным человеком.

Теперь я успешен – и хотел бы, чтобы у меня была мазь, которая бы сделала меня невидимым.

Милан Кундера

...Сейчас, когда я, возможно, стою на самом краю времен, на радужном мосту между полыхающими пожарищами и сиянием бездонного космоса впереди, я не могу точно сказать, где начинался этот путь. Как я нашел его среди множества иных в запутанном лабиринте бесконечных вариантов, возможностей и случайностей?

Может, путь был предначертан, а я только лишь выбирал «развилки» – направо пойдешь, налево пойдешь...

А может, никакого выбора и не было.

Я бесцельно блуждал по серым удушливым коридорам бытия и не ожидал от жизни ничего особенного – дотянуть бы до последнего порога более-менее достойно, да и хватит с меня. Я не ждал ни радостей, ни горестей, ни наград, ни наказаний, я даже не верил, что какая-нибудь живая душа разделит мое одиночество.

Как будто я стоял на обрыве, а впереди мерцал ПРОЩАЛЬНЫЙ СВЕТ ОБРЕЧЕННЫХ.

Но однажды неведомая сказочная сила бросила мне под ноги волшебный клубок и я, не размышляя, отправился вслед за тоненькой алой ниточкой исчезающих следов ускользающей памяти по тайным тропинкам Вселенной маршрутами загадочных комет к ослепительной точке, где сходятся начало и конец времен, к радужному мостику над ледяным разломом между быльем и небыльем.

Я не думал о том, ЧТО ждет меня на другом берегу, но я давно догадывался, КТО меня там встретит.

Я был обречен на этот путь.

Я был ПРИГОВОРЕН К ЖИЗНИ!

И меня не оставили на этом пути одного!

Из рассеянной в безвременье пыли вдруг возродилась новая ПЛАНЕТА, а рядом с ней – неутомимые верные СПУТНИКИ.

Данные судьбой – «... и на праздник, и на бой».

О чем это я?

Да пока ни о чем – это присказка, а сказка будет впереди.

Как-то раз я шел по аллее, ведущей к угловому вольеру с «моими» песцами, мимо пустующих в холода обиталищ беспокойных енотов и задорных носух, мимо вечно унылой и задумчивой енотовидной собаки, мимо зажигательных своей хищной энергией лисиц.

Я собирался угостить лукавых арктических весельчаков чем-то вкусеньким, полюбоваться их сверкающими зимними шубками, посмотреть на их бесконечные игры-догонялки.

Песцы – удивительные животные!

В дикой природе песцы абсолютно не боятся людей.

У них нет врожденного страха перед человеком, который проявляется даже у котят домашней кошки – те шипят и пугаются при виде незнакомца, а песцы оживленно и весьма настойчиво идут на контакт.

Где-то я читал про «тайну погибшей экспедиции», «погибшей» – это шутка, никто, конечно же, не погиб, но маленькие хитроумные обитатели снежных просторов сыграли главную роль в том, чтобы это путешествие закончилось преждевременно.

Как-то давным-давно отважные путешественники остановились лагерем по своим важным исследовательским делам. К ним немедленно прибежали веселые и общительные обитатели тундры, начали активно «знакомиться» с людьми, их снаряжением и запасами, облекая все уголки лагеря, беззастенчиво выпрашивали лакомые кусочки, как будто всю жизнь прожили среди людей, хотя явно впервые повстречались с двуногими. Поначалу путешественники умилялись зверькам, но когда те начали доставлять уже серьезное беспокойство и причинять некий существенный урон пищевым запасам, участники экспедиции принялись их гонять и кого-то даже чуть не прибили.

И после этого последовала массовая песцовая месть: как же так – эти двуногие пришельцы не оценили нашего полярного гостеприимства и даже пнули под слегка облезлый хвост премудрого многоуважаемого старейшину!

Песцы посоветовались долгой безлунной ночью, определили стратегические цели и тактические планы, согласовали взаимодействие личного состава, а затем дружным натиском практически лишили экспедицию нормальной жизни! Пуховые мстители пытались обкусывать людям носы в спальниках (хотя до этого вели себя совершенно мирно и добронравно), на ходу ухитрялись оттяпывать каблуки на обуви, портили и грызли все, до чего могли дотянуться и даже, сплотившись коллективом, укатывали в тундру бочки с провиантом! В результате экспедицию свернули раньше времени. Так что обижать песцов нельзя! Может быть, с той поры и пошел в народ забавный фольклор про песцов, которые подкрались незаметно. Это, конечно, я уже сам придумал про «исторические истоки» широко известного песцового фольклора, но, как говорится, – из песни слов не выкинешь.

А еще их по какой-то причине не трогают страшные белые медведи. И пышнохвостые семейки частенько сопровождают огромных хищников, преспокойно доедают за ними добычу, а медведи нисколько на них не реагируют.

А еще они очень верные однолюбы и создают одну-единственную пару на всю жизнь, и даже в неволе их нельзя содержать раздельно – они впадают в депрессию и погибают.

А еще есть страна Исландия, где песец – единственное исконное земное млекопитающее, кроме, разумеется, человека. Страна людей и песцов!

А еще... А еще они мне просто сразу очень и очень понравились!

Но самое главное в песцах – это даже не их диковинная полярная красота и своеобразный нрав, а глаза: такого умного и проникновенного взгляда больше нет ни у кого из всех обитающих в нашем зоопарке зверей.

Как только подходишь к ним, они начинают бегать, прыгать, плясать, хватать друг дружку за бока, а потом вдруг усядутся поближе к сетке и с интересом разглядывают меня. Эти две маленькие серьезные мордочки так смотрят, прищурившись, словно заглядывают в самые дальние уголки моей души и примечают там что-то, неизвестное мне самому. И на секунду кажется, что не такой уж я пропащий и что-то хорошее все-таки осталось во мне, раз хоть кто-то может так вдохновенно смотреть на меня. Даже если этот глядящий – просто полярный зверек.

Глаза у зверей – они очень разные.

Отрешенные и загадочные – у снежных барсов, как будто, находясь совсем рядом, они одновременно блуждают среди высоких вершин и диких ледников, где грозные ветра срывают со скальных стен снежные вихри.

Суровые и премудрые – у таинственных манулов, как будто в их зрачках навеки застыло отражение иных миров.

Беспечные и обворожительные – у игривых выдр, заинтересованно-интригующие – у гибких леопардов, глубокие и беспощадные – у грозных ягуаров, величественные и пугающие – у огненных тигров.

Им всем дано видеть, чутать и слышать самые тайные струны Вселенной, которые никогда не будут доступны нам.

Иной раз, глядя на все это – на снег, на сосны, на зверей и птиц – я думаю о том, что мир природы непозволительно хорош. Он гораздо мудрее задуман и тоньше выполнен, чем мы можем познать или представить. Мы воображаем себя царями природы, но стоит лишь посильнее вздрогнуть поверхности земли, извергнуться из жерла вулкана потоку огненной лавы или просто ветру посильнее дунуть на крутом горном склоне – и весь наш «всечеловеческий царизм» настигает мгновенное развенчание. И гордый «царь природы» неумолимо превращается в уязвимую плоть, взывающую к милости великих сил, такую же беззащитную и подневольную, как все остальные живые существа – большие и малые, сухопутные и водоплавающие. И даже как те, что иногда прикасаются крыльями к облакам.

Мир природы грозен и могуч. И вместе с тем невыносимо, ослепительно прекрасен. Он может одновременно повергнуть нас в пыль и через миг заставить дрожать сердце от умиления каплей росы на лепестке алого мака ранним июньским утром или запахом разогретой полуденным солнцем хвои на белоснежном снегу.

Он слишком роскошен для нас, ослепших и оглохших на бегу в своем замкнутом круговороте жизни. Вот как, например, недостижимая роскошь – разноцветная радуга для тех, у кого черно-белое зрение. Зачем это многоцветье, когда ты видишь только черное и белое? Зачем музыка для глухого? И может, потому люди бывают так жестоки к живому миру, что он... **НЕПОЗВОЛИТЕЛЬНО ХОРОШ**. И осознание собственной слепоты и глухоты вызывает желание мстить, что-ли, этой красоте за свою неспособность ее постичь в полной мере. И особенно за то, что при всем громогласном объявлении о нашем невероятном величии, в глубине души мы прекрасно знаем, что если дрогнет земля, извергнется лава, мы из напыщенных «генералов бытия» превратимся в сметенных огненной волной «рядовых». И в отчаянии побежим к пропасти в обезумевшей стае наших собратьев по планете, ничем не хуже и не лучше их...

Вился – искрился мелкий снежок, потихоньку укрывая пышные уютные ели и царственно-величественные сосны. Этот первый снег как будто старался украсить и сделать праздничным все вокруг, а мохнатая братия казалась еще красивее – от их посеребренных снежинками меховых нарядов было невозможно отвести взгляд.

«Эй... – внезапно пробудился во мне внутренний голос. – Мужик, ты... это... вообще... здоров? Ничего не болит, нет? Стоишь тут, умиляешься елочкам и нарядным шубкам, с тобой все в порядке? Тебе не кажется, что сорокалетний здоровый лоб, распускающий соплю перед клеточками с пушистыми зверушками – это нечто, требующее медицинского вмешательства?»

«-Ага... – мрачно ответил я сам себе. – Я понимаю, это искаженный „дух времени“. Простое и доброе кажется ненормальным, а зато всякие гадости принимаются, как должное. Если бы я оторвал голову зверушке и сожрал ее на глазах восторженной публики, никто бы не удивился, сказали бы – некультурно, конечно, но, в принципе, ничего такого из ряда вон. А стоять и восхищенно улыбаться – это нечто болезненное и требуется доктор. Понятно...»

Я решительно заткнул внутренний голос, чтоб не дать ему возможность нарушить мое благостное состояние, и огляделся по сторонам.

По пути к песцам располагался просторный вольер с лисами.

Возле него толпились дети с учительницей.

Лисы громко орали, бесились, прыгали на сетку, заглядывали в глаза посетителям, выпрашивая лакомства. Лисиц у нас было много. Обычные рыжие, черно-бурые, белые с черными пятнами грузинские, все совершенно ручные во многих поколениях. Они были сытые

и лоснящиеся, их кормили более чем достаточно, но одно дело – просто положенная им еда, а другое дело – то особенное, что частенько кидали им гости в нарушение запретов.

Если бы меня спросили, зачем нужны зоопарки, я бы обязательно вспомнил именно этот момент.

Учительница, здоровая такая рыжая деваха, указала когтистым маникюренным пальцем на лисиц и громогласно возвестила: «Посмотрите, дети, вот из них делают шапки и воротники!»

Я остолбенел от такого гениального педагогического приема, почувствовал острое желание приложить дамочку чем-то тяжелым, хотя бы увесистым словесным аргументом, но не успел.

Одна девочка стянула с себя меховую шапку и крикнула, буквально обливаясь внезапными слезами:

– Никогда, никогда... не одену больше одежду из зверей, я же не знала, что они ТАКИЕ.

– Надень немедленно головной убор! – заорала «добрая» учительница.

Девочка швырнула лисий мех в снег, замотала голову шарфом и пробормотала:

– Шарф теплый... И никого не надо убивать...

И пока «добрая» учительница уныло орала на нее, я поднял шапку и протянул девочке:

– Не надо выбрасывать вещь... она, наверняка, недешево стоила твоей маме, ты права... но не стоит огорчать маму. Просто... не покупайте больше такое барахло, из-за него убивают красивых и умных зверей. Хорошо? А зоопарки нужны для того, чтобы хоть одна маленькая девочка посмотрела в глаза зверушкам... и никогда больше не носила из них шапки.

Девочка молча подняла рыжий мех с белого снега, натянула на голову шапку и сказала:

– Я поняла. Но ведь все люди будут их носить... все равно.

– Ну и пусть! – помедлив, ответил я – Не обращай на них внимания, на этих ВСЕЛЮДЕЙ.

Представь, что на тебе шапка-невидимка, им надоест тебя доставать.

Девочка улыбнулась, а учительница продолжала утомительно орать.

Орала она только ртом, глаза у нее были пустые и безразличные. Девочка не дура, подумал я. А учительницу я бы публично судил и расстрелял за жестокое обращение с детской психикой, если бы был королем. Но я и так тут король, в волшебном царстве удивительных животных и таинственных деревьев. Только без права на массовые расстрелы, поэтому жить ей еще и жить, сеять «доброе и вечное» долгие годы.

Хотя... я все-таки большой гуманист и, наверняка, помиловал бы дамочку – в любом королевстве полно работ, где не обязательно быть умным и добрым, достаточно как можно старательней махать метлой.

Усмехнулся своим мыслям, да и пошел себе дальше, насвистывая какой-то бодрый, воодушевляющий марш.

Шапка-невидимка... А ведь как верно я сказал этой девочке, я уже давно сам надел эту шапку-невидимку и спрятался от всего и всех, что только может меня потревожить. Или сбить с пути. Я надел шапку-невидимку, брожу бесконечно по аллеям зоопарка и не хочу ее снимать, чтобы меня не заметили... **ВСЕЛЮДИ...**

Эти самые ВСЕЛЮДИ преследовали меня буквально с детства. Да, фразой моей жизни, карающим мечом в руках ближних моих и не очень ближних всегда была фраза: «ВСЕ ЛЮДИ...», ну и дальше по списку, в зависимости от ситуации:

- ВСЕ ЛЮДИ так живут,
- ВСЕ ЛЮДИ так делают,
- ВСЕ ЛЮДИ так думают,
- У ВСЕХ ЛЮДЕЙ есть,
- ВСЕ ЛЮДИ хотят этого,
- Жить КАК ВСЕ ЛЮДИ,

– ВСЕЛЮДИ стремятся получить образование и достичь чего-то в жизни, а ты читаешь бесполезные книжки и возишься с бездомными псами.

– ВСЕЛЮДИ хотят создать семью, а ты бродишь с рюкзаком по горам и бренчишь на гитаре...

И так далее до бесконечности.

Я всегда так мечтал увидеть живьем этих самых ВСЕЛЮДЕЙ!

Ну где же, где они, эти легендарные ВСЕЛЮДИ, которых постоянно противопоставляют мне, и ссылки на которых показывают мне, что я больной на голову и живу не так, как полагается?

Со временем мне начало казаться, что этих мифических ВСЕЛЮДЕЙ никто никогда и не видел, их создавало воображение каждого, упоминающего о них, в зависимости от собственных жизненных взглядов или сиюминутных интересов.

Что может быть проще!

Зачем доказывать собственную правоту, когда можно просто сослаться на этих самых ВСЕЛЮДЕЙ... Не надо ничего обосновывать, достаточно просто указать магическую формулу – ВСЕЛЮДИ.

Любишь шоколад? Не надо расписывать, как хорош и полезен шоколад. Просто скажи – «ВСЕЛЮДИ ЛЮБЯТ шоколад».

ВСЕЛЮДИ – это самый беспроегрышный способ оправдывать свои слабости:

– Не хочешь преодолевать трудности в жизни? Ну и ничего страшного! ВСЕЛЮДИ ленивы, никто не хочет сложностей!

Они, эти ВСЕЛЮДИ, такие удивительные создания – ВСЕЛЮДИ лгут, ВСЕЛЮДИ хвалятся, ВСЕЛЮДИ изменяют супругам, ВСЕЛЮДИ любят пожрать и поразвлекаться, ВСЕЛЮДИ хотят стать миллионерами, ВСЕЛЮДИ завидуют чужому успеху, ВСЕЛЮДИ трусоваты и вороваты. И одновременно эти ВСЕЛЮДИ диктуют тебе, не похожему на них по какой-то ошибке природы, как следует жить!!! Это разрывало мне мозг, раскаляло нервы и вгоняло в состояние, когда колеблются почвы под ногами.

Несмотря на свое несуществование, эти пресловутые ВСЕЛЮДИ умудрились изрядно попортить мне жизнь, особенно в ее начале. Их безусловная авторитетность, которая почему-то никогда не сходилась с моими мыслями и желаниями, вынуждала меня постоянно действовать вопреки себе. А человек, который живет не так, как хочет – он не может быть счастлив.

Я еще в детстве понял, что счастье – это очень просто: жить так, как ты хочешь, ну, конечно, если это твое «хочешь» не сильно противоречит уголовному кодексу.

Я же хотел простых вещей.

Чтобы меня не трогали.

Чтобы было много книг.

Чтобы ходить в походы и неделями бродить среди осенних холмов под пронзительно-синим небом.

Чтобы у меня было много собак. Они умные и поэтому неразговорчивые.

И главное – чтоб меня не трогали, не поучали, не наставляли, не развлекали, не заботились, в общем, мне было легко стать счастливым – лишь бы мне не мешал этот легион ВСЕЛЮДЕЙ. Но этого никогда не получалось. ВСЕЛЮДИ постоянно вторгались в мою жизнь, убедительно показывая, что я больной на голову, и если я не хочу жить так, как ВСЕЛЮДИ, со мной определено что-то не так. И необходимо, для моего же блага, особо заботиться обо мне, поучать меня, спасать, развлекать... понуждать жить так, чтоб ВСЕЛЮДИ были мной довольны.

Наверное, поэтому такая зловредная опека мне не принесла особого счастья и ничего хорошего из меня не получилось, а выросло то, что выросло – не очень-то удачное.

Я слишком поздно понял, что этих ВСЕЛЮДЕЙ не существует и совершенно не обязательно жить так, как они велят. А до этого момента мои детские и юношеские годы были перелопачены борьбой между моим ХОЧУ и властными ВСЕЛЮДСКИМИ канонами.

Может, если бы я сразу следовал своим устремлениям, я бы выучился на зоолога какого-то, ходил в экспедиции по затерянным горным плато, изучал животных или подался бы в лесники да бродил по дремучей тайге... Может, я действительно стал бы кем-то НАСТОЯЩИМ, но в результате я никем не стал. Я пошел учиться не туда, куда влекло сердце, потому что «ВСЕЛЮДИ хотят зарабатывать деньги, а не существовать на нищенскую зарплату». Я забросил дела, которые меня увлекали, потому что «ВСЕЛЮДИ считают их пустой тратой времени». Я рано женился, потому что «ВСЕЛЮДИ хотят семью»...

Впрочем, это уже совершенно не важно – почему я жил не так, как хотел. Скорее всего, был слишком слабым и не уверенным в себе, чтобы посметь перевести внутреннее сопротивление на какие-то деятельные рельсы. Это что ж такое, я один «умнее всех»? Если ВСЕЛЮДИ полагают иначе – значит явно со мной что-то не так, а не с ними. Я запутался в смыслах и направлениях, я отчаянно спорил и возмущался в душе, но все равно поступал так, как ВСЕЛЮДИ считают правильным. Для того чтобы пойти на открытый мятеж и восстать всерьез – для этого нужна немалая сила духа, а у меня ее, увы, явно не доставало.

Сердито пыхтеть и досадовать на свое бытие – это легче легкого...

ВСТАТЬ И СДЕЛАТЬ – тут уже необходимы другие энергии, которые вроде бы и сияли где-то очень близко, но не проникали в мое сердце, заставляя кровь – вскипеть, а крылья за спиной – распрямиться.

В моем молчаливом, мысленном поединке со ВСЕЛЮДЬМИ еще в детстве у меня появился воображаемый друг (что-то типа самозащиты мозга), с которым я постоянно вел мысленный диалог, доказывая ему свою правоту или оправдываясь в неправоте. Я постоянно «беседовал» с какой-то частью собственного сознания, словно защищаясь от могущества ВСЕЛЮДЕЙ дискуссиями с самим собой, потому что больше говорить о том, о чем я на самом деле думаю, мне было не с кем. Этот воображаемый друг был моим единственным настоящим собеседником, ему можно было сказать все, не опасаясь, что не так поймут, не то скажут, обидят или, что еще хуже, обидятся. Он всегда поддерживал меня и никогда не бросал.

С возрастом воображаемый друг вместе со мной ожесточился, «отрастил клыки» и все чаще начал грызть меня за самое больное вместо того, чтобы утешать и поддерживать. Я стал называть его «внутренним голосом», а потом и «внутренним демоном». Из милого пушистого комочка выросла здоровая агрессивная зверюга, которая грызла мне душу и мозги, вырывая куски мяса и кроша кости... Нет, ну конечно же, я не слышал никаких «голосов» в клиническом смысле этого слова, просто в моей голове существовала какая-то часть сознания, которая... А что «которая»? Даже не знаю. Которая просто была. Как факт. Всегда.

Я брел по зоопарку, свежий снежок кружился и сиял, он налетел очень рано в этом году, листья еще не опали, и снег на багряном и желтом смотрелся неестественно и одновременно ослепительно красиво. Тепло еще наверняка вернется, но сейчас природа баловала нас зрелищем невероятной встречи рыженькой девчонки-осени с белоснежной старшей сестрицей-зимой.

Я прошел мимо необщительного кавказского леопарда, немногочисленные собратья которого сохранились только в зоопарках, мимо загадочных манулов – их еще попробуй разгляди в вольере, такие они скрытные и боязливые, мимо нежной семейки рыжих рысей, мимо лис, от которых уже ушли дети и учительница, и вернулся к песцам. Они встретили меня радостными криками, прыжками, я угостил их куриной печенкой, постоял, наблюдая за играми двух хитрых комочков пуха, смотрел и улыбался... Просто улыбался и понимал, какое это для меня достижение – стоять и улыбаться. И чувствовать РАДОСТЬ. Просто так! Без каких-либо особенных причин для этого. Оттого что снег искрится, оттого что песцы прыгают

и хватают друг друга за толстые бочка, оттого что лошади неторопливо бродят по загону, оттого что солнце клонится к закату и сосны вспыхивают алым огнем... Я давно... так давно не ощущал этого простого чувства радости от жизни! Я изголодался по радости, я не чувствовал ее, наверное, с тех пор, как рухнула МОЯ ПЛАНЕТА.

И тут мне ясно вспомнилось, как погибала моя Планета. А ведь она была такой большой и незыблемой... Как мне казалось.

Да, у меня была собственная Планета, ее населяли разные люди и разные звери. Там вовсю кипела жизнь, было шумно и беспорядочно, меня раздражало это постоянное столпотворение вокруг. Люди, животные, заботы, громкие радости и громкие слезы – жизни было так много, что она казалась утомительной...

Я был уверен, что так будет всегда и иначе просто не может быть. Но... Моя Планета гибла, и я погибал вместе с ней.

А началось все с черного щенка-полупуделя.

Я никогда не любил этого пса.

Да и завелся он у нас не по моему желанию, а скорее по недоразумению. Он появился на свет по ошибке и стал моей собакой тоже по ошибке.

За его породистой маман не успели вовремя углядеть бдительные хозяева, и в положенный природой срок появились три щенка, чернявенькие кучерявенькие полупудели, смахивающие на смешные варежки с блестящими глазами-пуговками.

Однажды мы что-то отмечали большой шумной компанией. И то ли под впечатлением от этих милейших щенячьих глазок, то ли от всеобъемлющего благодушия после изрядной порции домашнего винца меня вдруг пробило на невыразимую сентиментальность, и я ни с того ни с сего пообещал хозяину взять себе одного щеночка. Да и благополучно забыл об этом на следующий же день.

Но владельцы кучерявого выводка не забыли.

И вот в один промозглый осенний вечер, когда за окном хлестал дождь, безжалостно обдирая остатки житейского оптимизма словно последние листья с оголенных деревьев, зазвонил тревожный звонок, и на пороге возник он, владелец собачьего семейства! Злодей коварно улыбнулся, извлек из-под развевающегося на ветру черного плаща и сунул мне, понимаете ли, прям-таки под нос, обещанный подарочек. Щеночка. Я, бесспорно, слегка обалдел и постыдно уронил в моральную лужу костыли здравого смысла, но отступить было некуда: мужик сказал – мужик сделал! Обещал взять... взял.

Чтоб его! И владельца, который бесстыдно воспользовался моей маленькой винной слабостью, и меня самого, которого жизнь не учит ничему, ну и... полупуделя, который со временем значительно подрос и уже мало походил на очаровашку-варежку.

Вот так и завелся у нас этот самый пес. Нежданный, нелюбимый и совершенно ненужный.

У меня, вернее, не у меня лично, а у нашего многочисленного семейства, к тому времени в наличии было два пса, три кота, кошка и хомячок. Один пес, весьма устрашающей внешности, «сторожевал» в будке во дворе. Этот уличный дворняг-увалень с хромой лапой, подобранный моей жалостливой тещей, был дурной на всю голову, но такой же на всю голову добродушный – с улицы запросто заходили соседи и вовсе незнакомые, пес радостно встречал каждого входящего. Хотя свои охранные обязанности он исполнял чисто символически, этому балбесу в нашем безалаберном семействе прощалось все, даже его безостановочные тьявканья по поводу и без, даже то, что он еще был и шкодлив до безобразия – то сгрызет или перепортит что-либо, то огород истопчет и перероет, то еще что непотребное сотворит...

Про хомяка мне сказать нечего, его вроде бы откуда-то принесли дочки. Как я предположил, со своим «добрым отцовским юмором», наверное, хотели котиков покормить, а может, сами коты его притащили, а проголодавшиеся детишки отобрали у них добычу.

А в доме обитал злобный, как тысяча нильских крокодилов, такс с наглой мордой, не скрывающей намерения сожрать либо задушить все живое, явившееся его взору, за исключением моей жены, с которой был кроткой овечкой, но лишь только с ней. Такс чувствовал себя царем природы, жену нежно обожал, а всех остальных терпел. О чем он мечтал в качестве компенсации за свое терпение, можно только догадываться, но ритуалы попыток куснуть очередную жертву практиковал регулярно.

Я, конечно, наивно понадеялся, что такс немедленно сожрет нашего нового члена семьи и проблема отпадет сама по себе. Но, увы, мерзкий характер такса проявился и в этой ситуации. Такс, едва взглянув на щенка, видимо, сразу сообразил, что кровавое убиение хвостатого младенца доставит мне невыразимое удовольствие, чего он допустить, естественно, не смог. Взвесив соблазн убиения и соблазн доставить мне неудовольствие, он выбрал второе. Поэтому просто рыкнул, невозмутимо отругав потугу прокуса хоть чего-нибудь, на сей раз моей щиколотки, после чего, в естественное продолжение традиционного обряда, гордо прошествовал в коридор, оросив там ковер. Возмущенные вопли нашей любимой тещи доставили царственной особе отдельное удовольствие.

В общем, на нашей большой шумной Планете появилось еще одно создание, оказавшееся никому не нужным.

Я любил своего мудрого рыжего красавца кота, преисполненного королевского достоинства, жена лелеяла злобную тварь такса, теща обожала кошечку и хромого дворового пса, коты жили своей жизнью, их любили все кошки на пять кварталов вокруг, в общем, всех кто-то так или иначе любил. Только щенка-полупуделя не полюбил никто. Пока он был еще крошкой, с ним возились дочери-племянники-подружки по причине его щенячьей игривости и еще относительной миловидности, но когда подрос и превратился в неуклюжую невеселую псину, до него уже никому не было дела. А мне так и подавно.

Я уже говорил, что тогда в нашем доме жили три кота и кошка. Двух котов подобрали на соседней улице дети, а кошку полуслепым котенком прямо из мусорного бака выгатила теща, недели три выкармливала и обогревала заморыша, пока он не окреп. И постоянно сокрушалась содеянной кем-то жестокостью – как же можно было так безжалостно выбросить на погибель эту кроху. И даже представить тогда было невозможно, что из найденыша-заморыша вырастет такое пушистое чудо.

Третий кот – был моим!

Единственное существо в этой зооораве, которое считало себя моим и только моим – был рыжий пушистый кот, которого завел я по собственному желанию в те времена, когда у нас никаких котов еще не было, а мыши съели что-то существенное в сарае, уж не помню, что конкретно.

Хотя даже слово «завел» не подходило к случаю с моим необыкновенным котом. Я его не заводил, он пришел сам. Накануне вечером, ругаясь за изгрызенные вещи, я решил, что неплохо было бы где-то достать хвостатого мышелова. И на следующий же день, словно подслушав мысли, за окном моей комнаты появился кот. Просто пришел, искоса взглянул на меня и по-хозяйски расположился на подоконнике, как бы спрашивая: «Ну... чего ждешь? Я пришел, растворяй окно!» Я толкнул створку, и кот спокойно вошел в дом, как будто жил тут всю жизнь. И остался.

Кот мой был нереально огромный, царственно-красивый, с огненно-львиной гривой. У него были такие глубокие и умные глаза, словно он знал все тайны Вселенной, все до единой звезды по именам, все тайные тропинки галактик, все маршруты комет и все мои сны наизусть... Что бы я ни делал, где бы я ни находился, кот бесшумно подкрадывался и присаживался поближе, я даже и не замечал, как он появлялся. Он всегда был со мной, не навязывался играть, не мяукал, просто... беззвучно присутствовал рядом. Он так внимательно глядел

своими умными глазами из-под широкого лба, будто бы хотел запомнить каждую минуту... проведенную вместе.

Братья меньшие значительно разнообразили наше домашнее мироустройство. Например, кормежка этой оравы представляла собой неповторимое зрелище, вряд ли где еще, кроме как у нас во дворе, имевшее место быть. Всех кормила наша теща, только у нее хватало нервов и природной заботливости опекать все заведенное нами стадо. Потому как, дурные и сердобольные, мы все были горазды притаскивать животину, а вот заботиться о ней у нас «не хватало времени», а точнее – терпения и постоянства, потому как к дурноте и сердобольности в комплекте всегда прилагается вселенская лень.

«Приглашая к обеду» хвостатое население, теща сначала громко сзывала всех, постукивая ложкой по кастрюльке. Когда орава сбегалась на зов, она раскладывала по мискам еду, строго следя за тем, чтобы всем досталось и чтобы все наелись досыта. Во время приема пищи у наших животных особо проявлялась стойкая иерархическая система.

Это было настоящее театральное представление! Первым всегда ел зловредный такс. Несколько наполненных мисок стояли в ряд, к ним смиренно пристраивались, не прикасаясь к еде, пес-дворняг и изрядно подросший щенок-полупудель, причем оба были значительно мощнее и крупнее злобного такса. А вокруг мисок, глотая слюнки, сидели коты, тоже не дотрагиваясь до еды! Кошка вальяжно располагалась рядом с тещей в качестве зрителя этого цирка, но в «застолье» не участвовала, так как ее кормили отдельно в доме, а общественное мероприятие она исправно посещала вполне сытой и явно для развлечения.

Такс не спеша отъедал из каждой миски, возвращаясь то к одной, то к другой, а все остальные терпеливо ждали, когда король нажрется. Закончив трапезу, он степенно отходил в сторону, а орава вперемежку – и коты, и пес-дворняг – тут же накидывалась на миски. Только полупудель подходил к еде последним, он дожидался, когда все разбредутся, и доедал то, что оставалось – так уж с детства повелось, что старшие его оттесняли от мисок. Естественно, теща следила, чтобы полупудель наедался вдоволь, но тем не менее – он ел последним и только после того, как все остальные насытятся от пуза. Да и был он в этой ораве последним, занимая младшее, самое низкое положение. Даже среди котов.

Словно все чувствовали – его никто не любит, поэтому он слабее всех и хуже всех. Почему именно этого полупуделя никто не любил, непонятно. И вообще, никому не известно, почему одних любят, хоть они и не достойны особой любви, а других, даже обладающих бесспорными достоинствами – не любят, хоть тресни, хоть пополам разорвись. Не любят, и все. Вот полупудель и стал таким изгоем. А ведь был лучше своих братьев, добрее царственного такса с мерзопакостным характером, сообразительнее хромой дворовой бестолочи. Умного, добродушного неškodливого полупуделя не любил никто, а обладающую массовой психозностью ораву зверья – любили все. Такова житейская несправедливость и творится она повсеместно, как у зверей, так и у людей.

Еще у полупуделя оказалось невероятное чутье, доставшееся ему в наследство по отцовской линии. Мы обнаружили это, когда однажды поздней осенью такс сбежал из дому – кто-то неплотно прикрыл калитку, чем тот и воспользовался. Конечно, свобода манила – собак на улицу мы давно не выпускали, а такса тем более. Уж очень он был агрессивен, когда с остервенением накидывался на встречных больших собак (маленьких и среднерослых презрительно игнорировал), чем вызывал смех прохожих, особенно хозяев этих самых больших собак. Нам систематически с трудом удавалось оттащить его от очередного «недруга» – видать, такс наш не мог простить природе свой маленький рост и вымещал обиду на братьях внушительных размеров. Раз дело дошло до очень серьезной разборки, и если бы хозяин разъяренного кавказца не удержал его на поводке, таксу был бы конец. Прогулки по улицам для него были завершены, а заодно и для полупуделя, хотя тот вел себя вполне адекватно.

Итак, мы по очереди сутки ходили-бегали по близлежащим кварталам, выкрикивали такса по имени, но тщетно – его нигде не обнаружили. Развесили объявления во всех возможных местах, но о беглеце никаких известий не поступило. Когда на второй день к вечеру младшая дочка пошла искать такса, она взяла с собой полупуделя, который (о чудо!) тут же, всего в квартале от дома, обнаружил такса. Тот зарылся в куче бурых осенних листьев, цвет которых один в один с его окрасом, как говорится, точно в масть и, видимо, слабовоюще решил помирать, что не очень-то соответствовало его крутому статусу особо важной персоны. Полупудель издали унюхал его, победно тьякнул и радостно кинулся на кучу, разворошив пристанище беглеца. По возвращении домой изрядно отошавший такс дня два был в явном шоке, но быстро отошел и вскоре по-прежнему господствовал в доме. Никаких положительных эмоций по поводу своей репатриации не выказывал, благодарности, понятное дело, от него никто и не ждал. И полупудель тоже.

Шло время. Время – оно безжалостно, особенно к братьям нашим меньшим. Один за другим уходили в свой зверячий рай, на радугу, наши чудачковатые животные. Это было понятно – все звери появились у нас разом, в каком-то давным-давно прошедшем году, и их короткий век почти одновременно подходил к концу.

Сначала ушел дворовой пес-хромоножка, мирно ушел, просто от старости. Следом за ним коты – век котов недолог, в боях и погонях за прекрасными дамами они подвергают себя смертельному риску собачьих зубов, беспощадных колес автомобилей и людской жестокости.

Надо было, конечно, лишить их этой... гм... природной тяги к приключениям путем хирургического вмешательства, но наше семейство, состоящее из прекрасного пола (я тут не в счет), почему-то бурно запротестовало против лишения котиков радостей жизни. Я пытался объяснить, что радости жизни для котиков несколько отличаются от наших представлений, но... смалодушничал и сдался. Спорить с дамами сложно и чаще бесполезно. Это я еще в детстве усвоил, потому что вырос среди женщин. За исключением меня, вся наша семья была «женская» – мама, бабушка и двоюродная сестра, которая по причине невероятной занятости родителей все детство практически жила у нас.

Кстати, своего рыжего мудреца-кота я этих «радостей жизни» и, понятное дело, сопутствующих страданий и рисков, лишил сразу же, поэтому жил он долго... почти дольше всех.

Но через некоторое время пришел и его час. Страшная болезнь сломила его могучий организм, я боролся до последнего, даже когда не было никакой надежды, вообще никакой. Я искал лучших ветеринаров, я бился за каждый день его жизни, за каждый миг, вступив в какой-то безумный спор со смертью, отгоняя костлявую от моего кота хоть еще на день, хоть еще на час, хоть еще... на мгновение.

Но болезнь все равно однажды победила. Я принял решение об эвтаназии, так как мучения кота уже невозможно было остановить и помочь ему было нечем. Мой кот и тут показал себя самым мудрым и любящим существом на свете. Он не позволил мне страдать от мыслей, что вот-вот я понесу его в клинику, посмотрю в последний раз в его уже мутные глаза и отдам ветеринарам... В ту же ночь, когда я решился прибегнуть к крайним мерам и утром отнести его в клинику – он ушел сам. Избавив меня от этой последней, страшной услуги...

Я смотрел на изможденное болезнью неживое тельце и шептал: «Как же так, дружище, как же так... Ты же знал все тайны Вселенной, все до единой звезды по именам, все тайные тропинки галактик, все маршруты комет и все мои сны наизусть... Почему ты ушел и ничего мне не рассказал? Или рассказывал, а я просто не умел тебя слушать... Ты знал каждый миг моей жизни на протяжении стольких лет, ты старался запомнить каждую нашу минуту, проведенную вместе, а сейчас унес все это с собой „на радугу“ и ничего, ничего не оставил мне...»

Следом нас покинул король-такс. Перед смертью он был уже совсем болен и немощен, почти слеп и не имел ни единого зуба. Но у наших животных по-прежнему сохранялась незыблемость иерархической схемы, что меня поражало. Во время кормежки такс по-прежнему

доходил до каждой миски, а полупудель смиренно ждал, пока немощный патриарх поест. Слепой и беззубый, с облезшей шерстью, он тем не менее оставался королем в глазах последнего из остатков своей свиты. Потом ушел и он. Как и положено королю, с достоинством – спокойно заснул и не проснулся.

В доме теперь обитали только полупудель и кошка тещи. Но кошка тоже постарела, постоянно дремала на диване и в последнее время редко выходила во двор.

Так что полупудель остался практически один. А кошка не в счет, как и положено знающей себе цену любимой хозяйской кошке, она всегда была «сама по себе», в стороне от других четвероногих обитателей дома.

Дня через два после смерти такса я обратил внимание, что полупудель не ест. Тещи дома не было, кормить его пришлось мне. Я пододвинул старику миску, а он только растерянно и беспомощно не сводил с меня глаз... Я не понимал, что я не так делаю. К нам не спеша подошла и старая кошка. Она внимательно наблюдала за полупуделем, время от времени как бы недоуменно поглядывая на меня. Так и казалось, будто она силится сообразить, почему он не ест, и хочет спросить, что же такое случилось с полупуделем.

А он, опустив голову, уныло сидел перед миской, смотрел то на нее, то на меня, но к еде не прикасался. Некогда меньшей в своей команде, он уже изрядно постарел, один глаз подзатянулся бельмом, некогда черная как смоль кудрявая шкура поседела. Полупудель страшно похудел за последние дни, а я совсем не обращал на это никакого внимания.

И тут меня осенило и дошло, почему пес так пронзительно смотрит на меня.

Он... бедняга... не может есть ПЕРВЫМ. Он привык быть последним в стае, но так случилось, что ПОСЛЕДНИЙ остался единственным, следовательно теперь – первым. Но его мозг отказывался это принять.

Я взял миску, поковырял в ней ложкой и... отошел в сторону.

Пес тут же кинулся к миске, начал жадно хватать пищу, заглатывал кусками, ел взахлеб так, как едят только крайне изголодавшиеся живые существа.

Меня едва не прошибло на слезу, в горле застрял ком, которым я чуть не поперхнулся.

Теперь я стал старшим в его стае... Я «поел», и теперь он может позволить себе поест сам...

И вдруг мне пришло в голову, что этот никогда никем не любимый пес-ошибка – последний и единственный свидетель полутора десятков лет моей жизни!!! Столько времени прошло, свершилось столько событий – целая эпоха, громадный пласт жизни, который навсегда улетел в прошлое.

И вот я вижу эту ЭПОХУ в воплощении одного несчастного пса, жадно поедающего еду из миски.

Всегда последнего.

Он смиренно и достойно воспринимал СВОЕ МЕСТО в этой жизни и ценил его, каким бы оно ни было. И держался за него – до последнего! Возможно, и не надеясь на то, что когда-нибудь заметят, что он вовсе не хуже других, когда-нибудь полюбят, приласкают от души и вдоволь наговорят добрых слов.

Я смотрел на него и думал – а что еще осталось от целой эпохи? Кроме старого седого пса?

И был ли я сколько-нибудь счастливее его, было ли у меня самого – СВОЕ МЕСТО в жизни на самом деле? Или мне это только казалось.

Планета рушилась на глазах.

Хотя я всячески убеждал себя, что ничего не происходит. Все хорошо, я просто себя накручиваю. Куда она денется? ОНА ЖЕ ПЛАНЕТА!

Но тем не менее постепенно и неумолимо Планета погибала – сотрясались и лопались материки, наступали океаны. Ее обломки разлетались в космос, а я продолжал убеждать себя, что ничего особенного не происходит.

Отношения с женой были холоднее льда, дети подросли и как-то отстранились, уже жили своей собственной жизнью. Наша любимая теща нашла какого-то бравого военного пенсионера в пригороде и собиралась переехать к нему на житие. Но все-таки что-то живое оставалось на нашей Планете, не позволявшее ей разлететься окончательно.

Еще я четко осознал одну простую мысль, которая периодически пыталась пробиться сквозь стену моей железобетонной самоуверенности, но я гнал и гнал ее прочь. Она так вошла в мою душу, что более отворачиваться от нее было невозможно. Этот пес, которого никто не любил, он остался последним не только в стае домашнего зверья, которое так или иначе завелось в нашем доме за все эти годы, он... остался последним, кто был со мной теперь, и последним – кто во мне нуждался. Нуждался хотя бы для того, чтоб поковырять в миске с кашей и просто чтоб не сдохнуть от тоски и одиночества.

Я прекрасно понимал, что в мои сорок лет я отлично выгляжу, здоров как бык, у меня большая семья, в жизни не произошло никаких особенных драм, но при этом... я абсолютно... абсолютно один. Я всегда страдал от извечных шума и суеты, иногда даже возмущался, что нахожу покой, только когда запрусь в туалете. И вот, надо же такое! Тишина... Этот несчастный пес – последнее существо, для которого я действительно незаменим. Не так, условно и абстрактно «есть -хорошо, нет- ну и ладно», а конкретно, реально и каждый день...

Я никогда не любил его, а вот сейчас, глядя в тусклые подслеповатые собачьи глаза, покорнейше прошу: «Старик, не уходи хоть ты, если и ты меня покинешь – я вообще никому не буду нужен и окажусь в одиночестве в этом огромном пустом доме».

Конечно, фактически, я не одинок, у меня есть жена, дети, теща, но что-то неумовимо изменилось за последние годы. Я чувствовал, что хотя они-то здесь, рядом, но неотвратимо отдаляются, до меня уже никому нет дела, и предугадывал наступающее одиночество.

Жена уже не скрывала раздражения по поводу моего неисправимого характера, моей неудачливой карьеры, моих изрядно надоевших ей приступов вселенского разочарования, поэтому подавляющее количество времени она проводила у старшей дочери, обустроившей самостоятельную жизнь. Нашим подросшим детям я уже не особо был интересен. Любимая теща решила устроить личную жизнь, что само по себе, конечно, неплохо и справедливо – после долгой болезни и смерти тестя она немало настрадалась.

Как же это все случилось? Молодой, здоровый, полный сил, я нежданно-негаданно вдруг одномоментно и основательно застрял среди жизненной дороги. Впереди такой добрый отрезок жизни, а я запнулся, как в той сказке на развилке: направо пойдешь, налево пойдешь... Вокруг такая абсолютная и совершенная пустота, что кажется – никакой свет не брезжит впереди...

Зимой мы едва не сгорели. У отопительного котла сушились простыни и прочее барахло, против чего я постоянно возражал, но никто не прислушивался ко мне. Полупудель спал в тепле возле отопительного котла, так как на старости лет стал мерзлявым и дрожал, даже когда не было холодно.

Под утро мы крепко спали. Вдруг «пыхнул» котел, который каким-то образом забился, вырвавшийся огонь моментально схватился за висящую простыню. Никто бы не проснулся, никто бы ничего не услышал, пока бы дом не запылал. Но полупудель, учуяв дым, начал так выть, нет, не выть, а так ОРАТЬ во все горло, что разбудил нас. Вовремя успел. Огонь на тряпках был моментально потушен, дом проветрен, и все обошлось лишь отмыванием стен от копоти, всевозможной суетой, женскими ахами-охами да моими солеными матюгами для отвода души...

Так полупудель, как минимум, спас наше имущество, дом, а даже возможно – наши жизни. В общем, это не удивительно, он все-таки собака и создан для того, чтобы оберегать своих хозяев...

И вот тут на него свалились все то внимание и вся та забота, которых он недополучал всю свою жизнь – много ласки, разговоров, самых вкусных кусочков... Для него настало прекрасное время, которое он так смиренно ждал...

Но оно продлилось недолго, это свалившееся счастье, в котором он купался, как в лучах золотого солнца, наслаждаясь каждым мгновением ласки и внимания, захлебываясь им, задыхаясь от восторга... В эти последние месяцы жизни полупудель получил все, чтобы быть счастливым – его, наконец, ЛЮБИЛИ. Мне было горько и стыдно перед этим несчастным существом, ну что стоило раньше хоть иногда приласкать его, почесать брюшко, погладить меж ушей... Что стоило... Ничего не стоило, но... НО.

Но вдруг внезапно у него обнаружилась опухоль, что было вполне возможным у старого пса. Ветеринар в клинике внимательно отнесся к страдальцу, но сказал напрямую, что лечить уже поздно и бесполезно, предложил только обезболивание. Все развивалось стремительно, и после пройденного опыта с котом я и сам знал, что это конец. Пес уже походил на скелет, по утрам бедняга просыпался с кровью на пасти.

Нужно было прекращать мучения, я это понимал, еще свежи были воспоминания о коте и все пережитое за два года, когда я бегал с переносками по клиникам, день за днем вырывая кота из лап смерти.

Я был на работе, когда позвонила жена и сказала, захлебываясь от слез, что пес рвет кровью, падает, она сейчас одна дома во всем этом ужасе и уже вызвала машину, чтоб его забрали и усыпили. Тем более, я сам вчера озвучил это решение, когда мы вечером втроем совещались, что делать.

Я что-то почувствовал в тот момент... но я был занят, я... что-то пробурчал – все и так было ясно. Машина так машина, как минимум, не придется везти пса самому и сдавать собственноручно в ветклинику.

Я не видел, как его уводили, я был на работе. Я просто пришел домой – а пса нет. Как и не было...

Абсолютное безмолвие и внезапная пустота неожиданно и пугающе обрушилась на меня. Я с недоумением огляделся вокруг, не узнавая родных стен, как будто по ошибке забрел в чужое жилище. Никогда раньше в нашем большом доме не было так тихо. Дочки, племянники, вечные толпы их друзей и подружек, шалости, смех, песни создавали ощущение, что у нас не двое детей, а целая орава. Да еще куча животных с их лаем и мяуканьем!

Дочки выросли и мало бывали дома, теща без забот о ребятах и зверятах как-то сникла, мы с женой настолько разобщились, что порой я всерьез задумывался, любим ли мы друг друга хоть немного.

И вот ушел последний пес, ни одной четвероногой души не осталось, кроме старой кошки, которая только спала.

Тихо.

Очень тихо в доме.

И вроде бы, совсем безотносительно к происходящему, меня вдруг пробил холодом, произвольно сжались зубы...

Черт побери, как я мог ТАК поступить со своей собакой!

Да, да, да... Он умирал, усыпление было необходимо – это факт, который нельзя отрицать. Но не так, НЕ ТАК это следовало сделать.

Я должен был оказать ему эту последнюю милость, поехать с ним, чтобы погладить на прощанье и сократить страх и ужас живого существа, которого чужие люди увозят на смерть из дома, где он прожил всю жизнь. Пусть не очень веселую, но целую жизнь.

Я во всю мощь представил тот ужас, тот кошмар, который ощутило это несчастное существо, когда калитка захлопнулась... и он остался один на один с теми, кто вот - вот его убьет.

И хорошо, если это был безболезненный укол, как обещали, и он не мучился, но... ведь не исключено, что могли и не тратить лекарство на старую больную непородистую собаку, может, ему вообще просто-напросто зверски свернули шею...

Я ощутил такой ошеломляющий ужас от того бездумного поступка, который сотворил, что у меня похолодело сердце.

Я прожил целую жизнь и много чего натворил, но такой подлой чудовищной жестокости я не совершал никогда. До этого.

С какой же виной теперь мне предстояло жить!

Ведь мне всего лишь стоило сказать жене, чтоб она отменила вызов, я бы подумал немного и не допустил бы такого. Я сам бы отвез его к ветеринару и проводил... как полагается.

Но... мне было некогда. Я не подумал. Я совершил предательство, хуже которого сложно придумать.

И еще я понял одну вещь.

А причина в том, что я никогда не любил эту собаку. Я любил кота и, не задумываясь, боролся за его жизнь, я выгрызал его у смерти, не жалея ни сил, ни средств. Я боролся за него до последнего, и когда он ушел, мне было больно, но не было стыдно, я знал, что сделал даже больше, чем мог, чтоб ему помочь.

А с псом... я поступил иначе, я ошибся, я не разобрался, как надо поступить, и не боролся – просто потому, что я не любил эту собаку.

Когда любишь – такой ошибки не допустишь. Никогда.

Мне стало ясно, что с людьми точно так же.

Если ты заболеешь, этот тот, кто тебя не любит, не станет тебя самозабвенно спасать и бороться за тебя до конца, он мимоходом может отдать тебя чужим людям на жестокую смерть... И это факт. Факт, против которого не попрешь.

ЖИТЬ С ТЕМ, КТО ТЕБЯ НЕ ЛЮБИТ – не просто тягостно и горько, а кроме всего прочего, смертельно ОПАСНО ДЛЯ ЖИЗНИ!!!

И осознание всего этого пригвоздило меня к дивану, я долго лежал, закрыв глаза, и смотрел куда-то глубоко внутрь себя. Там неизбежно и необратимо что-то росло... Пока еще маленькое и неразборчивое, но уже сверкающее космически мощной антрацитово-черной пульсирующей силой. Животные и даны нам, наверное, для понимания того важного, что размазано по нашей долгой жизни и сконцентрировано в их такой короткой, чтоб это важное мы могли увидеть и сделать выводы.

Я чувствовал, что это антрацитово-черное внутри растет изо дня в день и скоро взорвется и разнесет меня на мелкие кусочки.

Сразу после того, как полупуделя не стало, теща отколола номер. Среди зимы ей вдруг заблагорассудилось на дачу поехать. Она сообщила мне по телефону об отъезде, сказала, что на три дня наготовила еды, все в холодильнике, а там дальше готовьте сами. Я ничего не понял – служебные обязанности не позволили отвлекаться на подробности. На дачу, так на дачу.

Старшая дочь была в поездке за границей, а жена как раз куда-то уехала с младшей, я ей позвонил, она тоже не придавала особого значения отъезду – знает, что мать на даче, да там нужно печку топить, а дров мало, померзнет и через два дня вернется как миленькая.

Я промаялся несколько дней и все не мог понять, почему я мучаюсь или что меня мучает.

В пятницу вечером я доел остатки еды, приготовленной тещей. Созвонился с женой, договорились с ней, что на выходные она обязательно будет дома. Вроде бы немного успокоился, но ничем заняться не мог – на телевизор, интернет, телефон, книги не было никакой реакции.

Лег спать, но не мог заснуть, долго ворочался с боку на бок и вдруг, неожиданно для самого себя, решил забрать тещу домой. Прямо сейчас, не откладывая на завтра. И не только

потому, что ей из-за резкого похолодания никак нельзя было оставаться дальше на нетопленной даче...

Итак, глубокой ночью по пустынной скользкой дороге на рискованной скорости я рванул к теще.

Жить с теми, кто тебя не любит – опасно для жизни.

Я слишком хорошо выучил этот урок.

Пожилой человек на нетопленной даче, переживающий за случай с собакой, сам явно и конкретно нуждается в помощи, всем своим поведением взывает о ней. Да неужели же мы такие жестокие, чтобы делать вид, что все нормально, и жить своими заботами, когда наш близкий в беде. Нет, нет... Больше я не буду опаздывать с проявлениями любви, потому что однажды можно опоздать навсегда. Нужно ехать и показать, что мы любим ее и мы – рядом.

Вот и дачи – занесенные снегом хлипкие домики, воеет ледяной ветер...

Я вспомнил совсем другие дачи, далеко на юге, где я родился и вырос, разбросанные вдоль пригородной трассы крошечные поселочки бывших отделений совхоза «Рассвет», ликвидированного в перестройку. Всего полчаса езды от города, и я у деда на каникулах и в выходные!

Мои родители сначала жили у деда, но разошлись, когда мне было года три. Сразу после развода отец укатил в дальние края, а мать вместе со мной вернулась в город к своей матери в их малогабаритную «хрущевку», где мне было крайне некомфортно. Не было определенного места для игр, на меня постоянно шикали тише да тише, не разрешали бегать по квартире, дабы не разбить расчудесные напольные вазы или не задеть горшки с цветами, заставляли есть утром противную овсяную кашу и, хуже того, днем укладывали спать. Мать с бабушкой контролировали каждый шаг, во двор самого не выпускали, по улицам водили за ручку... То ли дело на вольнице у деда, где можно без спросу даже до вечера разгуливать с друзьями!

На третьем отделении совхоза располагалось большое автотранспортное хозяйство, там дед до пенсии работал водителем, а потом перешел в сторожа.

Наш дом стоял как раз напротив гаражей, при любой возможности я стремился пробраться туда к деду, а если не получалось, то из наблюдательного пункта на окне следил за въездом-выездом машин. Гаражи тянули магнитом, суровые водители грузовиков и легковушек, комбайнеры и трактористы были для меня самой уважаемой компанией, а завгар – так вообще небожителем. И я уже в три года заявил, что когда вырасту, обязательно стану шофером, как дедушка.

Дед называл по-станичному наш дом хатой, хотя на самом деле это был коттедж, весь поселок застроен точно такими же. Совхоз в свое время был образцово-показательным, труженикам полей повезло с директором, и тот по какому-то фантастическому случаю, через большое начальство, добился разрешения на снос старых хат и строительство нового жилья для своих работников. Так и появились невиданные в этих местах типовые двухквартирные коттеджи с отдельными дворами. Дома были вполне обустроены, разве только печное отопление несколько портило картинку всеобщего благоденствия. А у моих родителей из-за этой самой печки так и вообще развод случился!

В самом поселке было много чего увлекающего – почти у всех была живность, куры-гуси-утки -козы-коровы свободно гуляли по улицам, у многих были голубятни, а в каждом дворе, естественно, кошки-собаки. В поселке жил даже нелюдимый охотник, у которого был огромный волкодав и настоящее ружье. А вокруг поселка совхозные сады и виноградники, бесконечные дали полей с арбузами, кукурузой, помидорами, зеленым горошком...

Дедов поселок был центром Вселенной, и я считал минуты до поездок туда.

И вот однажды не утерпел и сбежал из дому.

По каким-то причинам мать целый месяц не возила меня к деду. Я в то время еще ходил в детский сад, в дошкольную группу. Но хоть и было мне тогда всего шесть лет от роду, я был

достаточно рослый, на вид вполне мог сойти и за второклассника. В то утро, когда я совершил побег, бабушка, как всегда за ручку, довела меня до калитки садика, и здесь я притаился, на всякий случай – вдруг обернется, выждал минут пять и смылся. Я хорошо знал расписание автобуса к деду, поэтому вовремя успел на рейс. На деньги из копилки благополучно купил билет, у водителя моя личность никаких подозрений не вызвала, и даже не пришлось сочинять, в какой школе учусь. Уже через полчаса, довольный как сто поросят, я в предвкушении встречи с дедом подъезжал к центральному отделению совхоза – тогда автобус до других отделений еще не доходил.

Но эйфория побега улетучилась вмиг, едва я вышел на конечной остановке.

Когда приезжал сюда с матерью, нас встречал дед, а если он не мог, подвозили к дому знакомые водители. Сегодня же, как назло, таковых не оказалось. Как добраться до деда, я даже не представлял. Помнил только, что по пути было несколько полей и лесополос...

Я сел на лавочку и думал, думал, что же делать, в какую сторону держать путь. Это сейчас я понимаю, что самое простое было бы пойти в контору совхоза, там все деда знали, и попросить на попутной машине отправить меня к нему. Или хотя бы позвонить в гараж, чтобы передали, что я приехал. Но я же был ребенком, и логическое мышление у меня не было сформировано. Поэтому мне пришлось усиленно попотеть и пошевелить мозгами, прежде чем я сообразил, что та самая дорога, по которой я приехал, после конечной остановки автобуса все-таки продолжается, и если пойти по ней дальше, она приведет меня к гаражам. Ну я и пошел по трассе в нужном направлении. Мимо проносились машины, дело было летом в самую страду, водителям некогда рассматривать, что это за пацан топает по шоссе! А у пацана уже глаза на мокром месте – до меня дошло, что это на машине от остановки до деда можно домчаться всего за каких-то десять-пятнадцать минут, а на своих двоих по жаре придется телепаться до обеда.

Меня охватили ужас и беспомощность, и чтобы как-то отвлечь себя, не расплакаться и не растеряться окончательно, я начал мысленно разговаривать с кем-то, как будто вообразил, что иду не один, а с товарищем. Я как бы жаловался этому воображаемому товарищу на то, что заблужусь, потеряюсь и меня «съедят волки», а «товарищ» весело смеялся надо мной и успокаивал, что волков тут нет, и вообще они никого не едят, и что я обязательно справлюсь и дойду до дедушки. А дедушка похвалит меня и скажет, какой я герой, что пришел к нему через такие настоящие взрослые трудности. «Я с тобой!» – говорил мне мой «товарищ». И хоть я понимал, что он выдуманный, а не настоящий, мне все равно стало легче на душе, я зашагал с удвоенной бодростью и даже улыбка промелькнула на моем испуганном лице.

Вот так в том первом «походе» у меня и появился мой воображаемый друг, который потом все детство, в трудную и в радостную минуту, был со мной.

Рядом.

У него никогда не оказывалось своих собственных неотложных дел тогда, когда он больше всего нужен. У него вовремя находились правильные слова, которые убаюкивали обиды, а не разжигали их еще сильнее. У него всегда на меня хватало времени, душевных сил и терпения.

А главное – с ним было интересно, он развивался и узнавал мир одновременно со мной, мы вместе открывали утром глаза и закрывали их вечером. Он знал обо мне ровно столько, сколько знал я сам, ему невозможно было соврать, что-либо утаить или притвориться лучше, чем ты есть – поэтому он всегда давал мне правильные «советы».

Мой воображаемый друг не спорил со мной только ради спора и поиска доказательства «кто умнее», мы «дискутировали» для того, чтобы докопаться до сути вещей. Поэтому помогал он мне порой куда лучше, чем живые и реальные друзья-приятели.

Вскоре по очертаниям полей и лесополос я определил знакомые места – столько раз проезжал здесь с мамой или с дедом! Прошел мимо полей с помидорами и кукурузой, а когда

миновал очередную лесополосу с жерделой, показалась бахча. Это уже совсем рядом! На поле виднелась палатка сторожа, я подошел. Охранник, незнакомый молодой парень, пошутил про воришек-малолеток, я притворился, что заблудился и мне нужно к гаражам. Парень особо не расспрашивал, обрадовал, что иду правильно, напоил водой, угостил медовой дыней. Он посоветовал идти не по дороге, а прямо по бахче, чтобы сократить путь. Через час я уже победно заходил к деду, хотя изрядно усталый, но сверхдовольный собой. Когда обнаружилось, что я прибыл один без матери, дед так рассвирепел, что я испугался не на шутку. Бить меня он не стал, хотя за ремень и схватился. Это был единственный раз, когда дед при мне ругался матом. А полную порцию «воспитания» я с лихвой получил потом от матери...

Короче, выкурил дед с полпачки папирос, завел свой «Жигуленок» и туча- тучей повез меня домой. Добрались в город мы часов около четырех, бабушка как раз собиралась забирать меня из садика. Между ними тут же на повышенных тонах произошла историческая разборка. Со слов деда получалось, что я безгрешен, а это они виноваты, что я сбежал: парню уже скоро в школу, а его за ручку водят, никакой самостоятельности не дают. В итоге мать меня, конечно, отлупила, но за ручку больше никто не водил, во двор стали выпускать и даже разрешали ходить одному в близлежащие магазины.

За этими воспоминаниями я незаметно подъехал к нашей даче и разбудил тещу стуком в двери и окна. Из дома раздался сначала угрожающий рык, потом лай, потом встревоженный голос проснувшейся тещи. «Свои, свои» – успокоив ее, что это я, а она лучше пусть пса придержит, захожу в дом, косясь на охрану – здорового дворняга, его раньше здесь не было. Теща, одетая в сто одежек, направилась в маленькую кухоньку, где она ночевала. Я потрогал холодную печку и даже присвистнул – вчера было точно нетоплено. Хотя был включен электрообогреватель, но все равно холодно, двери в комнаты были не только плотно закрыты, но еще и занавешены теплым одеялом, как и, понятное дело, наружные окна. Теща явно и основательно намерзлась. Я представил, как она спала, укутавшись во все тряпки, одеяла, старые пальто... И у меня защемило сердце, когда я увидел всю эту картину и ее, такую одинокую, замерзшую и несчастную. Я не стал ехидничать про отсутствие дров, не стал выяснять, что, почему и как, а просто напрямую сказал, мол, хватит дурковать и пора домой. И кажется, впервые в жизни назвал тещу не на «Вы», а по имени-отчеству. Светлана Васильевна не проявила никаких эмоций по поводу внезапного ночного приезда и моей новой манеры обращения. Казалось, она как бы и сама ждала, что я за ней приеду. Быстро собрала вещи, позвала какую-то Машку, и тут же из картонной коробки выпрыгнула кошка, а за ней потянулись и два котенка. Теща погладила кошку, усадила всех в коробку: «Ладно уж, поехали с нами!» Все было само собой разумеющимся, и мы быстро погрузились в машину. Но тут произошла небольшая заминка – подошел еще и охранник. Теща жалостливо посмотрела на него и тихо сказала: «Шарик, не могу, братец, тебя забрать, я же дома не одна живу». Вижу, жалко ей псину оставлять. И пробурчал: «Ничего себе Шарик, с овчарку ростом, где его держать будем? Ну заматано, заматано – забирайте и его!» На удивление, пес тут же сориентировался и ловко забрался в машину, видать, имел немалый опыт поездок на авто. Мы немного проехали, и теща попросила на минутку остановить машину. Она зашла в какой-то двор и занесла туда большой кулек с продуктами.

Ночь кончалась, светало. На выезде из поселка показалась автобусная остановка, там стояла сутулая и худенькая пожилая женщина. Так рано! И на таком морозе – сейчас градусов двадцать точно! Теща сказала, что это квартальная – сторожиха ждет первый автобус, и мы снова остановились: «Ивановна, заходи, погрейся!»

Тетка устроилась на заднем сиденье. Они с тещей пообщались немного. Из их разговора я понял, что продукты предназначались ей. Сторожиха разговаривала с тещей, а сама явно и бесцеремонно рассматривала меня – в зеркале все отражалось. Я тоже взглянул на новую знакомую и поразился ее исплаканному лицу. Женщины стали прощаться, теща почему-то всхлип-

нула, а сторожиха ее успокаивала, по-прежнему взирая на меня: «Да успокойся ты, Светлана, смотри, какой у тебя участливый зять, был бы у меня сынок таким! Я же тебе говорила, что за тобой обязательно приедут, а ты все ревела».

Мы немного отъехали от остановки, но Шарик вдруг занервничал, неожиданно совсем по-щенячьи тявкнул, явно просил остановить машину, что я с радостью и сделал: «Вали, дорогой». Пес, как бы виновато оглядываясь на тещу, бочком вылез на дорогу и направился в сторону дач. Только мы тронулись с места, как истошным мявом взвыла и кошка, пришлось еще раз останавливаться – ох уж эти «аборигены», как верны привычным местам! Последовали переговоры тещи со сторожихой Ивановной, то да се, она согласилась приютить у себя и кошачье семейство, тут же вытащила котят из коробки и спрятала их за пазуху в теплое пальто. Вышла из машины и побрела вместе с кошкой вслед за псом в сторону дач, потом присела на лавку с навесом и что-то шептала котяткам под стареньким, но теплым пальто.

Да, унылая картинка – заснеженная дорога, понурая старуха с бездомными котятками, кошкой и псом в ожидании субботнего автобуса с Большой земли.

Уже совсем рассвело, я еще долго поглядывал в боковое зеркало на оставшихся, пока они не скрылись из виду. А навстречу прогромыхал пустой автобус без пассажиров.

Пока добирались домой, Светлана Васильевна рассказывала о сторожихе, что она в дачное межсезонье каждую субботу выходит к первому автобусу, который привозит корм для брошенных на дачах кошек-собак. Их хозяева, конечно, оплачивают водителю эту услугу, чтобы совесть не так уж мучила – в городские квартиры этих «дачников» мало кто забирал. А самое главное, Ивановна ждет автобус не только по «службе», она ведь еще втайне надеется, что на автобусе однажды приедет сын. Поскандалив с невесткой несколько лет назад по чепухе – обычные бабские разборки – она сгоряча демонстративно ушла из дому на дачу, а сын смалодушничал и не остановил. Ее назад так до сих пор и не позвали, и никто никому не уступает. Приезжают только летом на сбор урожая и осенью под зиму, когда необходимо обеспечить бабку дровами и углем, по телефону перезваниваются редко. Но она все равно ждет, вдруг случится чудо и все-таки ее заберут домой, в ее же собственную квартиру. Дело-то идет к старости, худо одной жить.

Я слушал чужую историю, а сам думал о своей собственной жизни.

Рос без отца, но под зорким присмотром деда. Наших женщин он совершенно игнорировал, душевного общения с ними не было никакого. В разводе моих родителей винил в основном бабушку, не подготовившую дочку к семейной жизни.

Дед в основном и сформировал мое отношение к женщинам. С легкой дедовой руки я относился к ним в лучшем случае пренебрежительно.

Началось все еще в детстве с обиды на бабушку. Нечаянно услышав мамины жалобы на деда и отца, а самое главное – бабушкины «утешения», подливавшие масла в огонь, я решил тоже поразбираться в семейном вопросе. Но, как ни пытался, не мог ничего понять из женского шушуканья, особенно про куклу безмозглую и белоручку. Еще я, как ни силился, никак не мог представить, как это папа гоняется за каждой юбкой. Но вот когда речь зашла о бабушке, что якобы он самодур упертый, тут же счел своим долгом вмешаться – дедушка хороший! Меня «повоспитывали», что влез в разговор взрослых, и с тех пор бабушка с непонятным мне смыслом частенько приговаривала, что я весь в дедову породу. Со временем мои обиды ушли, но появились бабушкины, она до последних своих дней считала, что с ней я был недостаточно приветлив. Таким явным женоненавистником, как дед, я, конечно, не был, но в душе все-таки тайно считал вторую половину рода человеческого как бы второстепенной.

Мать всегда почитал, но позволял себе иной раз и покритиковать ее за излишнюю доверчивость и, мягко говоря, легковесность. С ней вечно, сколько себя помню, происходили всякие ЧП – то кошелек потеряет, то работу. С детства возвращенная избалованной принцессой, мать оказалась неприспособленной к реальной жизни, была абсолютно непрактична. Как-то заня-

лась с подружкой бизнесом, но та ее обвела вокруг пальца и кинула вместе с большим банковским кредитом... А про ее мужиков после развода с отцом уж молчу – личная жизнь все равно не складывалась, принца она так и не встретила, не раз основательно вляпывалась, наступая на одни и те же грабли...

В общем-то, все было нормально в нашей семье, ничего страшного не происходило, жизнь как жизнь, но – дед все-таки был самым близким для меня человеком во всем моем детстве.

Заезжал он к нам в город только по делу, с бабушкой они были давно в разводе, но отношения поддерживали нормальные, вполне человеческие, хотя и без особых симпатий. Правда, никаких особых чаепитий по случаю его приезда не устраивалось, здравствуйте-спасибо-до свиданья, вот и все общение. А еще он, если было по пути, привозил разные фрукты и овощи, которыми каждый раз щедро заваливал коридор. Ну и по хозяйству помочь он никогда не отказывался – мебель подвинуть, полочку прибить, потолок покрасить, лекарства привезти, если надо. Я с нетерпением ждал каждой встречи – в основном дед приезжал, чтобы забрать меня к себе. Со мной у деда был полный душевный контакт, он меня любил очень сильно. Я отвечал ему тем же, с радостью помогал ему во всем и уже в подростковом возрасте вполне самостоятельно хозяйничал, смело разъезжал на авто в поселке и поблизости от него, дед далеко отъезжать запрещал. В свободные минуты мы иногда прикидывали, как со временем, когда он окончательно уйдет на пенсию, обустроим его хату, какую мансарду отгрохаем. Он даже начал основательно подбирать стройматериалы. Оставалось дело за малым – уговорить соседку с другой стороны дома присоединиться к строительству, чердак же общий. Соседка была хитрющая, все тянула с согласием на строительство: «Хорошо, подумаю, неплохо бы, под одной крышей живем, вместе строиться дешевле...», но конкретного ответа не давала. Злые языки поговаривали, что совхозная повариха давно имела планы на соседа, но тот оказался упрямым, и ей никак не удавалось пирожками до котлетами заарканить работающего непьющего мужика. Но ни нашим с дедом мечтам о мансарде, ни, возможно, планам соседки реализоваться не довелось. У деда случился инсульт, и он скоропостижно скончался, когда я еще учился в школе.

Потом я вырос и поехал в Сибирь получать высшее образование, почему туда – не знаю, меня всегда тянуло куда-то далеко, где суровая природа, где есть настоящая зима со снегом, а вообще... я просто взял и уехал. Меня на самом деле мало что связывало с югом и домом, где уже не было деда.

В новых местах я как-то быстро женился и вошел в семью своей жены, почти утратив связь с собственной.

Главной в доме, конечно же, была наша любимая теща.

О ней отдельный разговор. В отличие от моей матушки, на свой гардероб и всякие женские штучки она особо не тратилась, тесть давно тяжело болел, поэтому не до дамских прихотей ей было. Она полностью посвятила себя семье, жила только интересами и увлечениями детей. Учимся кататься на велосипеде – вместе, усваиваем английский – вместе, фото, прогулки, животные – тоже вместе. Вкусно и сытно готовила на всю двуногую и четвероногую братию (жена не особо была к кухне расположена), убирала за всеми и заботливо ухаживала. В благодарность подразумевалось беспрекословное подчинение всех домашних ее взгляду на жизненный уклад и распорядок. Меня она в семью приняла вполне радушно, значит, и мне предстояло послушно принять ее правила игры. Но, но, но...

Сразу же нарисовалась первая проблема. Через несколько дней после свадьбы нас разбудило громогласное: «Дети, подъем, на учебу опоздаете, завтрак на столе...» Я недоуменно пошутил по поводу «деток», до адресата не дошло. Еще несколько дней мой слух резали утренние семичасовые тещины призывы, после чего раз я не выдержал и вдруг, неожиданно даже для самого себя, так же громогласно, в тон ей, объявил, что она скоро станет бабушкой. Естественно, после этого обращение к молодоженам «дети» исчезло из ее лексикона.

Еще много чего интересного было на первых порах. Приходилось разбираться с тещей, что гвоздь не там забил, что в дом на ночлег привел толпу немых малознакомых туристов, что на день рождения устроил во дворе гусарскую попойку с готовкой шашлыков у соседей под окнами и с вызовом полиции оными...

При всем при этом я из кожи лез, чтобы дистанцироваться от тещи, демонстративно позиционировал себя самостоятельной личностью, для чего приходилось после занятий в поте лица трудиться, приходил домой только ночевать, над чем жена иронизировала, что я суперски крутой от слова бесполезно крутиться. Тем не менее, кое-как на жизнь зарабатывал, но тещин домострой все продолжался и переагрузки взаимоотношений не произошло.

Я как-то взбунтовался, предложил жене уйти из дому куда глаза глядят – снять квартиру, переехать жить на дачу. Да та ни в какую – и дети маленькие, и на даче нет нормальных условий для проживания. Да и полностью самой вести домашнее хозяйство ей не особо хотелось и могло. Учеба, маленькие дети – немалая нагрузка. Короче, махнул я рукой на все, пожалел жену и остались мы жить вместе с тещей. Так и жили с оглядкой, что можно, а что нельзя, лишь бы только никаких разборок не было. Хотя, по большому счету, она вредничала не так уж часто, стремилась угадывать наши желания. И ужились мы все вместе вполне нормально.

А подпольная кличка «теща», в которую в качестве защитной реакции я вкладывал всю бурю отрицательных эмоций от первоначального общения со Светланой Васильевной, со временем зазвучала только с добрым юмором. С моей легкой руки ее так и стали называть все, даже дети, конечно же, не напрямую, а за глаза. Жена, например, по привычке может запросто спросить у меня, дома ли теща, которая в это время находится рядом в соседней комнате и все слышит. Мы шутили и не задумывались, что ей все это может быть неприятно.

Тесть умер несколько лет назад, теща очень тяжело переживала его кончину, хотя она была более чем ожидаема, но держалась и виду не показывала. Только иногда по ночам я, периодически страдающий от бессонницы, слышал ее приглушенные рыдания за закрытыми дверями.

На самом деле я относился к Светлане Васильевне с должным уважением, но почему-то своего почтения особо не выказывал. Да и не только я, все мы к ней относились не так, как бы следовало.

Она до самозабвения предана семье, ее любовь к нам всеобъемлюща. А мы, хладнокровно воспринимая как должное ее труд, ее доброту, заботы и тревоги о нас, никогда не задавались вопросом, а любит ли кто ее саму сейчас?

Я невольно вспомнил несчастного полупуделя и тут же отогнал непрошеные мысли: «Бесспорно, любим. По-своему, с эгоизмом молодости, но все-таки любим».

И особо ощущалось это, когда Светланы Васильевны не было дома – так остро не хватало душевного тепла нашей хранительницы домашнего очага. Потому среди ночи я и сорвался на дачу забирать ее домой. Без нее все вокруг стало казаться пустым и страшным, как будто что-то важное, что отличает абстрактное строение от твоего дома, вдруг покинуло его. Дом – это не просто стены и крыша, это место, где живут любовь, радость, счастье. Дом – это всё, что вам мило и дорого, дом там, где вам хорошо. Куда всегда хочется возвращаться, в каких бы прекрасных далеких краях ты не находился.

И каждый крошечный элемент, каждый звук и запах, каждый скрип несмазанной калитки или радио, бормочущее по утрам в комнате тещи – все важно. Все необходимо. Все это – неотрывные составляющие счастья. Даже если их и не сразу замечаешь...

Мы молча подъезжали к городу, на востоке всходило холодное яркое солнце, оно освещало ледяные красоты зимнего пейзажа, но чувствовалось, что это уже последние считанные морозные дни, и совсем скоро придет весна.

А мне казалось тогда, что у меня в душе она уже наступила.

Но, увы, это оказалось совсем не так... К сожалению.

Совсем скоро после этой удивительной и замечательной поездки на дачу все посыпалось...

Быстро.

Разом.

Как по команде.

Теща все-таки решилась и отправилась на жительство к своему военному пенсионеру в пригород, забрав старую кошку, жена с детьми уехали... вообще далеко, а я остался один в нашем некогда шумном, переполненном жизнью доме.

Вот так совсем обыденно и без особых драм я и остался один по-настоящему.

Хотя нет... со мной остался мой внутренний голос, мой внутренний «демон», который наконец-то почувствовал себя полноправным хозяином и победно расправил свои перепончатые крылья над темнеющей пустошью моей души...

Еще вчера у меня было все, что нужно человеку для счастья! И вдруг за считанные дни то, что казалось вечным и незыблемым, рухнуло и улетело в бездну.

У меня была своя собственная Планета – особое неповторимое чудо, которым обладают далеко не все, но я не ценил свое сокровище, растрчивал по пустякам, считал ее обузой, как будто бы у меня не одна Планета, а сотни. И вот однажды ее не стало, и я ощутил такой мрак, такую пустоту, безнадежность и сожаление, великое сожаление... что не любил достаточно, не ценил, не представлял даже, насколько счастливым человеком я был. Но все исчезло в один миг, и уже ничего нельзя было поправить.

Почему я все это вспомнил? Не знаю... По всей вероятности, потому что слишком долго даже думать себе об этом запрещал, чтобы снова не упасть в отчаяние и тьму. Я заставил себя их забыть, так надо, чтобы выжить. Не ковырять в ранах воспоминаний, а вычеркнуть, выжечь, забыть. Только так можно удержать равновесие на узкой тропе: не оглядываться, не смотреть по сторонам... А просто идти...

Надев шапку-невидимку, стать невидимым для собственного прошлого, невидимым для бывших друзей, невидимым для всего мира вокруг, невидимым для собственных воспоминаний, невидимым для свирепых посланцев тьмы – бесшумных оскаленных теней, которые бегут за тобой вдоль твоей тропы, роняя кровавую слюну, и ждут малейшей слабости... Малейшей слезинки... Подогнувшейся коленки... Дрогнувшей на мгновение души. Они настороже, чтобы тут же кинуться и утащить тебя в чащу.

Потому что, когда человек теряет свою Планету, он остается в пустоте. Вечной пустоте, наполненной стаями враждебных сил, этими стрекочущими нечистыми стаями, которые медленно, но верно заселяют каждый уголок души, не оставляя в ней живого места. Как у канатоходца, у него нет возможности остановиться. Остановишься – упадешь, упадешь – погибнешь... И нет никого рядом, кто поддержит и не даст сорваться вниз.

Того, кто разгонит нечистые стаи.

Того, кто знает все тайны Вселенной, все до единой звезды по именам, все тайные тропинки галактик, все маршруты комет и все мои сны наизусть...

Я понял простую истину.

Не ценить свою Планету и тех вокруг, кто тебя любит – это не только безнравственно, это преступно. И прежде всего – против самого себя. Если ты капризно отворачиваешься от своей любви, воображая, что придет другая, еще лучшая, то твоя ЕДИНСТВЕННАЯ ЛЮБОВЬ, твоя единственная весна – покинет тебя. Бросит тихий прощальный взгляд, накинёт красный плащ и уйдет босиком по дождю. Громыхнет ей вслед майская гроза, и ты навсегда останешься один в холоде и мраке, населенном демонами, и всю жизнь будешь проклинать себя за то, что не понял и не остановил. И безнадежно мечтать о том, чтобы вернуться однажды в свой потерянный май и в последний момент схватить ее за ускользающий краешек плаща и не позволить уйти за порог.

Никому. Никогда. Не выдают **НОВОЙ ПЛАНЕТЫ** и **НОВОЙ НАСТОЯЩЕЙ ЛЮБВИ**, если он не сохранил свою... единственную. И только лишь «волшебное зеркальце» воображения, изредка оживая, показывает нам сказочные царства, где **ВСЕ МОГЛО БЫТЬ ИНАЧЕ!**

У меня всегда вызывал изумление вопрос: «А ты веришь в любовь?» **ВЕРА** – это нечто такое, чему нет научных доказательств, с чем никто не сталкивался, не видел, но **ВЕРИТ**, что это существует. Выражение "Я верю в инопланетян" звучит нормально, но никто же не заявляет: «Я верю, что Волга впадает в Каспийское море», в отношении Волги говорят – **ЗНАЮ**.

Поэтому выражение «**ВЕРЮ В ЛЮБОВЬ**» означает – не видел, не сталкивался, не ощущал, не был свидетелем даже со стороны... **НО ВЕРЮ**. Верить в любовь может только тот, кто ни разу с ней не встречался.

А я не верил. Я знал.

И не становилось мне от этого ни проще, ни веселее, ни удобнее. Только еще более – у меня была любовь, но я никогда не имел понятия, как делиться ее благами с ближними, как с ней вообще жить.

Я злился и досадовал на нее, она вносила смуту и порождала бури, меня лихорадило и носило из стороны в сторону, я знал, что у меня есть бесценное сокровище, дар – но я так и не сумел его развить, взрастить, позволить расцвести и принести плоды, не смог сделать с его помощью счастливым ни себя, ни кого-нибудь другого.

Любовь – это не только то, о чем пишут в пылких, захватывающих романах. То, что происходит между мужчиной и женщиной – это лишь часть всеобщего мирообразующего замысла любви. Яркая и важная – но всего лишь часть.

Любовь – самостоятельная сила, живая стихия. И когда она проникает в человеческое сердце, то наделяет его неугасимым светом и великой защитой. Любовь – она ко всему: к близким и случайным, к людям и зверям, к небу, к солнцу, к лесам и горам. Эта сила всегда с тобой, даже... если в какой-то момент времени тебе кажется, что некого любить. Она существует в тебе, светит и согревает – как сияющая сфера, как небесное присутствие, как главный человеческий талант. И одновременно как чувство почти непосильной ответственности – ты должен во что бы то ни стало сохранить дарованный небом огонь и не дать ему померкнуть.

Должен...

Ты стоишь на ледяном ветру, на обрыве, и держишь голыми руками живой огонь. А сил так мало, а время идет, пламя жжет тебе ладони все сильнее, сильнее, и так велик соблазн сбросить его на землю и уйти прочь...

Я бы не сказал, что с этим легко жить – совсем наоборот.

Потому что человек, у которого нет любви, – никому не интересен, даже демонам. А когда в душе теплится свет – к нему тянется все вокруг, каждое большое и малое создание земное, каждая птица небесная, каждая букашка и каждая травинка. Но свет притягивает **ВСЕХ**, а не только тех, кто тебе мил. Неугасимый огонь манит, на него ползет из всех щелей чумная нежить, слетаются и сползаются темные силы, в бешенстве стараясь погасить пламя. Растоптать его и развеять пепел по ветру. Чтоб хоть на одну любовь в мире стало меньше! Им надо уничтожить каждый лучик света, каждую малую искорку, чтобы еще на шаг мир стал ближе к наступлению безраздельной тьмы!

С этим непросто жить, но без этого сама жизнь лишена даже малого шанса на какой-либо настоящий смысл.

...Через некоторое время я еще раз встретил ту девочку, которая расплакалась у клетки с лисами. Как-то на дежурстве она догнала меня и окликнула. На этот раз она была в толстой шерстяной шапке и в зоопарк пришла вместе со своей мамой. Девочка подбежала и радостно сообщила, что мама согласилась с ней по поводу головных уборов – дядя тебе все правильно сказал. Мама мне улыбалась издали.

– Так и что? – спросил я девочку.

Она смотрела на меня очень серьезными и взрослыми глазами:

– Да я просто хотела сказать... Вы же тут работаете... Почему этой весной никто не родился в зоопарке?

Вот те раз, подумал я... А ведь точно!!! Никто не родился, даже в вольерах у птиц не наблюдалось весеннее оживление и суета над гнездами. А тех зверят, которые появились на свет немного раньше, выкармливали из бутылочек, я слышал разговоры, что четвероногие как с ума посходили, идет какой-то массовый отказ от кормления детенышей.

– Я не знаю... – ответил я.

– Но это ведь что-то означает?

– Не думаю...

– А я думаю. Что-то изменилось, вам не кажется?

Я внимательно прислушался к тревожному шепоту мыслей в голове, которые упрямо подавлял, и понял, что действительно кое-что изменилось.

Когда я был маленьким, я очень боялся атомной войны. Про нее тогда много говорили по телевизору и рассказывали в школе, как вести себя при ядерном взрыве: лечь на пол, прикрыть голову руками, давали прочие очень «полезные» в этом случае советы.

Моя детская вера в могущество родной страны была невероятно велика, и я без труда убеждал себя, что даже если эта жуткая атомная война и наступит, то она пройдет как-то... максимально организованно и относительно безболезненно, в наиболее благоприятном для всех режиме, и уж точно не затронет меня и моих близких. Потому что наша страна – самая большая и сильная!

Но все равно иногда мне становилось страшно.

Я нередко лежал в своей кровати и слушал, как в ночном небе с ревом рассекают воздушные сферы самолеты – они низко пронеслись над нашим домом, недалеко располагался военный аэродром. Я вслушивался в нарастающий тяжелый гул, зажмурился и шептал: «Ну только бы не ракета, только бы не ТА САМАЯ ракета». Хотелось натянуть шапку-невидимку, чтобы никакое зло этого мира не могло разглядеть меня в темноте и уничтожить.

Потом я вырос и перестал бояться атомной войны, да и все вокруг бросили принимать всерьез ее угрозу – не стало той большой и сильной страны, потому вряд ли кто-то начнет просто так кидаться в нас дорогостоящими ядерными бомбами...

Но что-то осталось во мне – как зрительный образ, как отпечаток ТОГО САМОГО АТОМНОГО СТРАХА из глубокого детства.

Почему-то каждый раз, подъезжая к городу после долгого путешествия, я заворуженно вглядывался в его еще отдаленные, но вполне различимые очертания – пышная зелень, крошечные кубики домов, золотые купола церкви у набережной, дымные трубы заводов, игрушечные мостики над тоненькой полоской реки...

И в этот самый момент мне казалось, что вот прямо сейчас над знакомой умиротворенной картиной в благостной синеве небес разверзнется огненный шар, неотвратимо превращаясь в испепеляющее облако света и смерти.

И – абсолютная тишина. Ни звука.

Оглушительная пауза между тем, что видишь глазами, и тем, что воспринимает твой мозг. Только воздух, который ты резко вдохнул в безмолвном крике, с болью раздирает легкие.

Как будто замерла над миром финальная минута молчания перед тем, как обрушатся небеса...

Я каждый раз отмахивался от этого наваждения, но оно каждый раз неизменно возвращалось ко мне.

А сейчас, когда девочка смотрела прямо на меня, задавая свои вопросы про нерожденных весной зверят, у меня закралась странная мысль – неужели животные почуяли нечто, о чем мы еще не догадываемся? Так в сумрачном предчувствии воют собаки перед землетрясением,

убегают из городов домашние кошки, улетают прочь птицы. Может, собратья меньшие, чьи сенсорные системы настроены тоньше наших, уловили неведомый сигнал – СТОП! Незачем больше производить никого на свет!

В любом случае, я точно знал, что именно изменилось – уже несколько дней меня преследовало неотступное ощущение затянувшейся паузы между реальностью и ее восприятием.

Безошибочное ощущение.

Последних мгновений тишины.

Перед неизбежным ударом.

Как будто смотришь на мир со стороны, а в расширенных зрачках уже отражается ослепительная вспышка – яростный и неотвратимый ПРОЩАЛЬНЫЙ СВЕТ ОБРЕЧЕННЫХ.

Глава 2

КОВЕР – САМОЛЕТ

Чувствительность или, как ее называют психологи, сенситивность, – качество, которое можно считать как наказанием, так и подарком судьбы.

Илсе Санд, «Близко к сердцу: Как жить, если вы слишком чувствительный человек»

Наверное, наверное... все изменилось.

Но пожалуй, надо начать не с этого, а с коврика. Вернее сна, где мне приснился коврик.

Так... опять получается ерунда. Коврик, сон... Не знаю, когда я заметил изменения, в этой истории сложно найти ниточку, за которую можно небрежно дернуть и с легкостью распутать клубок событий. Скорее всего, я обратил внимание, что СТРАННОЕ ПРОИЗОШЛО... когда меня с размаху ударил по мозгам этот... мягко говоря, необычный сон. Необычный не по содержанию, а по «качественным характеристикам», если так можно выразиться о сновидениях.

Он был совсем иной и отличался от обыкновенного так, как черно-белая фотография без ретуши отличается от взрыва сознания художника-абстракциониста.

Он был абсолютно реалистичный, простой и одновременно изоцирено пугающий.

Короче говоря, однажды я проснулся оттого, что кто-то громко и отчетливо спросил: «КТО ТЫ???»

Я с трудом сообразил, что снился сон, который не запомнился, и невнятно пробормотал, еще пребывая в дреме: «Не знаю...»

А больше заснуть и не смог, на часах было пять утра, я лежал и думал: «А кто же я?» На самом деле, конечно, я знал, кто я такой, но вот так резко и коротко сформулировать определение себя я бы сейчас не смог. Например, я – врач, или строитель, или альпинист, или филателист, или футболист, или пианист... Или же, к примеру, я – бродяга, я – гений, я – ничтожество, я – герой или я – злодей. Хотя что-то, но... быстро и конкретно... Так кто же я?

«Я тебе подскажу, – ухмыльнулся мой внутренний голос. — Ты – больной!!!»

Я зажмурился, помотал головой, а потом резко открыл глаза.

Взгляд в утреннем сумраке упал на пол, где небрежно валялся полускрученный ковер, а вернее – коврик из большого красивого магазина ИКЕА, который когда-то по случаю купила жена.

На красном в белую полосочку тканном изделии производства ордена Всемогущей ИКЕИ самозабвенно храпел старый пес-полупудель. Я захотел встать и пнуть его во двор, чтоб старикан не обделал мне спальню, такое водилось за ним последнее время – старость, что поде-лаешь! И осекся.

СТОП.

Какой полупудель... какой полупудель... Он умер! Да и коврик этот я давненько вынес в гараж... Что это еще такое со мной? И тут все вокруг поплыло, приняло размытые формы, как будто по картине внезапно потекла краска. Полупудель широко открыл глаза, медленно поднял голову, я увидел, что она разбита, по морде ручьем течет темная кровь, а глаза... Глаза – совершенно черные, с зеленоватым свечением изнутри... Он начал вставать, двигаясь всем телом ко мне...

Как же я заорал!!! Я ору, ору, надрываясь, широко раскрывая рот, задыхаясь, но понимаю, что не издаю ни звука, я до предела напрягаю связки, но не слышу своего крика. А пес, который уже и не полупудель, а какое-то лохматое собакообразное с узкими вертикальными зрачками в пронзительно-зеленых глазах и с оскаленными желтыми зубами, медленно, неесте-

ственно медленно приближается ко мне. Это продолжалось несколько секунд, я думал, что задохнусь, но наконец голос прорвался и я смог заорать по-настоящему.

Заорал и понял, что это сон, сон!!! Черт побери, я всего лишь сплю и мне надо немедленно очнуться, иначе случится что-то по настоящему плохое! И моментально проснулся... Меня трясло от слабости, в глотке першило, на глазах навернулись слезы. Конечно, ни пуделя, ни коврика в комнате не было, я встал и пошел на кухню попить воды. Дошел в полумраке до холодильника, достал бутылку минеральной, налил стакан, начал жадно пить. Внутренний голос издевательски поинтересовался с участливостью внимательного доктора: «Ну а сейчас, больной? Вы проснулись или спите? Вы уверены?»

Проснулся, естественно, что за бредовые вопросы! Но что-то не давало мне покоя, я оглянулся по сторонам, вглядываясь в знакомые предметы обстановки, нервно вглядываясь, словно был все-таки не уверен, сплю на самом деле или нет, и пытался найти что-то типа коврика или покойного полупуделя, что-то такое, ЧЕГО ТУТ БЫТЬ НЕ МОЖЕТ. Но все было в абсолютном порядке, как обычно. Тикали настенные часы, скрипела несмазанная калитка во дворе, колыхались оконные шторы, светало, из тещиной комнаты чуть слышно бормотало радио. Я облегченно выдохнул и решил поваляться еще полчаса, пошел к себе на диван и боковым зрением увидел полоску света из комнаты тещи – обычно она рано вставала и тихенько-тихенько, чтоб никого не разбудить, включала свет и радио... СТОП!!!

Сердце зашло в бешеном темпе и сдавило горло – нет тут никакой тещи, она давно уехала, в ее комнате никого нет. И света не может быть! И радио не может быть!

Я снова сплю.

Я ВСЕ-ТАКИ СПЛЮ!!! Хотя я абсолютно уверен, что не сплю...

Как же так?

Картинка перед глазами снова поплыла, стала акварельно-прозрачной, зыбко задрожала, так под водой дрожит морское дно. Я моментально проснулся в поту и с сильным сердцебиением. Тут же поспешно вскочил и без завтрака, как будто убегая от чего-то, начал собираться на работу, а когда вышел из дома, то подозрительно оглядывался по сторонам – нет ли вокруг чего-то такого... такого... Чего не может быть.

А может, это опять только снится, я сейчас лежу на диване и вот-вот проснусь от попыток закричать, не слыша собственного голоса. Что за новый удар прилетел откуда не ждали, да и удар ли это? Что происходит сейчас, явь это или... не явь?

Таких снов у меня не было никогда. Что это было? Ничего не значащий кошмар, вызванный нервным напряжением, или тревожный сигнал о начале опасных изменений в моей голове? Это одноразовый сбой или теперь так будет повторяться каждую ночь, пока я окончательно не потеряю связи с исходной точкой и уже не смогу вырваться из лабиринта «квазиреальностей»?

В любом случае, уже сейчас это оказало такое сильное воздействие на мои несчастные мозги, что я чувствовал легкую дезориентацию, как будто все происходящее вокруг находилось в отдалении от меня – обычные звуки казались тише, обычные цвета – блеклыми, знакомые лица – отчужденными и настороженными. Как будто все вокруг присматривались ко мне, шептались украдкой, ухмылялись и, как только я отвернусь, тыкали мне пальцем в спину и уродливо корчились от беззвучного хохота: «А он не зна-а-ет... что мы ему снимся, а мы – это совсем... совсем не мы...» Прошло еще несколько часов в рвущем напряжении, как будто корявая рука дергала по нервам словно неумелый гитарист по ржавым, расстроеным струнам.

Но все было нормально, часов в одиннадцать утра я успокоился и окончательно убедился, что не сплю.

– И как же так вы убедились в этом, больной? В том, что вы на самом деле не спите? Тем, что не видите ничего необычного? Так может, ты плохо смотришь, придурок!!! – начав фразу спокойно, следом громко зарычал внутренний голос.

– Заткнись, – одернул я его, – я просто видел дурной сон.

Я не собираюсь над этим размышлять. Вообще не собираюсь. Ни сейчас, ни позже. Сны – это просто сны, какими бы пугающими они не казались. Не надо об этом думать, все и так пройдет. Не думать о том, что недоступно твоему пониманию – это самый лучший рецепт. Плюнуть и забыть. А через день странное покажется не таким уж странным, а потом и вообще будешь удивляться, как такая ерунда могла сбить тебя с толку.

И все как бы прошло. Отпустило.

Однако вечером, перед тем как завалиться на диван, я внезапно поддался неразумному порыву, пошел в гараж, принес красный коврик, вытряхнул пыляку и бросил его рядом с диваном. Отчего-то я нуждался в нем, чтоб спокойно уснуть. Посидел, покурил, потом встал и разложил свернутый в рулон коврик строго по рисунку линолеума, прям так... миллиметр в миллиметр. Отошел в сторону и внимательно запомнил расположение ковра.

Всезнающий «эскулап из пекла» резко натянул желтую резиновую перчатку, которая с треском лопнула, обнажая черные заскорузлые когти. Потом взглянул на меня, накинул измятый, давно не белый халат, поправил разбитые очки на волосатом носу и сочувственно наемкнул: «Ты сходишь с ума, братан».

Ага... Может быть.

Сон изрядно встряхнул мои нервы, я был крайне напуган и решил, что уложенный «в миллиметры» коврик останется моей «зацепкой», если что... Я точно запомнил его расположение, и если он хоть чуть-чуть сдвинется, окажется в другом месте, это будет что-то значить.

Неугомонный злобный насмешник высунулся из своей заплесневелой норы, ощерился и, гримасничая, хихикнул: «Глупое существо, это ничего не значит, коврик может лежать точно так же, но это не будет свидетельствовать о том, что ты не занырнул в опасные сны».

Да мне все равно! Будет это что-то означать или нет. Мне так спокойнее, а это уже лучше, чем ничего. Мне захотелось принести коврик в спальню, я и принес. И больше ничего. Нормальный, абсолютно такой нормальный поступок. Ноги у меня мерзнут, хочу постелить что-то теплое у кровати. И все! Что не так???

Я не мог (или боялся!) заснуть и пристально пялился на коврик, как будто он сейчас зашевелится. И вдруг подумал, что я очень похож на этот коврик. Лежит вот он себе, лежит... В общем-то – чудный коврик в красно-белую полоску. И качество отличное, и красивый, глаз радует, только... вот некуда его приткнуть! Столько времени он мозолил мне глаза, и я с какой-то истерической маниакальностью пытался его куда-нибудь применить. То туда, то сюда. То на кухню, то в спальню, то диван накрою, то на стену прилаживаю. И нигде (нигде!!!) он явно не был на месте. Отдельно – чудный коврик, а вот куда его не приладишь – все не то. Настолько не то, что глаз режет. И выкинуть эту заразу жаль, хороший ведь коврик, и бесит постоянно – потому как некуда его положить, повесить или хотя бы прикрыть им что-нибудь.

Единственное, с чем гармонично сочеталась эта зловредная тряпка – был старый полупудель, самозабвенно храпящий во сне... Но после событий с псом коврик начал особо злое бросаться в глаза, мучить меня своим вызывающим несоответствием или... пустотой, как навязчивое пятно, как что-то режущее то ли глаза, то ли душу. Однажды я не выдержал и вынес его в гараж. Почему не выбросил? Не смог. И я прекрасно понимаю, почему.

Этот никчемный дурацкий коврик, кажется, действительно оказался символом моей личности! На герб мне этот коврик, на лоб прилепить!!!

Как там спросили меня во сне? Кто я? Да ведь я – этот чертов коврик.

Вроде, всем я хорош – силен, умен, творчески развит. И смастерить руками многое в состоянии, знаний и навыков всяких полезных полно, а вот... некуда применить мне ни один из моих талантов и способностей замечательных. В общем, как бы сам по себе я ни был изумительно хорош, я абсолютно никому не нужен и ни с чем вокруг не сочетаюсь.

Я могу выживать в почти любых природных условиях, мое тело способно переносить запредельные нагрузки, моя психика заточена под суровый экстрим, я знаю, как действовать в сложных ситуациях, только все это никак не помогает мне достичь чего-то существенного в жизни, в обществе, в социуме, чтоб его, и вообще... Я – классный. Я – крутой. Только мне совершенно некуда себя приткнуть. Нигде мои умения и навыки не нужны, может, ими кто и восхищается, но так... отдельно, как говорится, от всего общего интереса.

Я где-то читал, что в древности мастера ковроткачества намеренно допускали небольшую ошибку, огреху в сложном орнаменте, чтоб показать высшим силам, что человек несовершенен и творения его рук тоже не могут быть совершенны. И если я – ковер... то мой «орнамент» почти полностью состоял из ошибок с редкими вкраплениями красивого узора.

Я торможу бег своих высокосооценочных мыслей, осознавая, что да, все это действительно достигнуто мной, но только с крохотной оговоркой – это все со мной БЫЛО!

Я БЫЛ способен выживать в любых природных условиях, я БЫЛ заточен под любой экстрим, я БЫЛ способен вести себя умно и холодно... Я БЫЛ классный и крутой...

Но потом шаг за шагом, незаметно, по капельке, по камешку, по комочку снега со склона, а следом лавиной, сметающей все на своем пути, это все осталось где-то там, в прошлой жизни, далеко-далеко на краю земли, в тридевятом царстве, в тридесятom государстве. Так далеко, что оглядываясь назад, я не верю собственной памяти – неужели все это реально происходило со мной, неужели я и взаправду БЫЛ... таким.

И вот в конечном итоге оказалось, что я всего лишь уродливая тень былого. К тому же, я – коврик, и мне совершенно некуда себя приткнуть. Меня таскало по жизни туда-сюда, нигде не находилось мне места, пока не появилась лучшая в мире работа. Хотя, может, это не более чем временная иллюзия, но так хотелось надеяться, что коврику все-таки нашелся уголок во Вселенной. Пусть тихий и незаметный, но собственный. Как минимум – мне так казалось и так хотелось в это верить.

У меня действительно появился свой уголок – моя самая лучшая работа в мире! Устроившись охранником-обходчиком в зоопарк, я сутками ходил по его аллеям – сам себе хозяин, сам себе собеседник, сам себе доктор и сам себе судья!

Не буду лукавить, мне сразу понравилась ВНЕШНЯЯ ФОРМА моей работы – ходить-бродить на свежем воздухе, без всяких сложностей и психических нагрузок, но не очень вдохновляло СОДЕРЖАНИЕ.

Мало что поначалу понимая, первые недели я неприязненно кривился, считая зоопарк чем-то сродни тюрьмы для животных. Я даже старался не смотреть по сторонам, чтоб не обнаружить вдруг что-то резко негативное, что заставит сердце заболеть и «выгонит» меня с этой, такой нужной мне сейчас, работы. Но шаг за шагом, день за днем – и понемногу мое настроение стало меняться.

Я начал осторожно поглядывать вокруг, рассматривать животных и птиц, внимательнее присматриваться к новым сотрудникам. И неожиданно осознал, к своему огромному удивлению, что моя изначальная неприязнь, в принципе, ни на чем не основана, кроме как на моих личных предрассудках.

Здесь все было действительно – ХОРОШО!

Звери и птицы совсем не выглядели замученными пленниками, несчастными заложниками человеческой жадности развлечений – они все были ухожены, веселы и полны энергии. Сотрудники с неподдельным душевным теплом и искренним увлечением заботились о своих подопечных. Наблюдая за всем этим, я начал оттаивать, привыкать, и потихоньку до меня дошло... что доселе я ничегошеньки не понимал. Кривую, скептическую ухмылку все чаще стала сменять неловкая, но простая человеческая улыбка, так давно меня не посещавшая.

Не знаю, что там в иных местах, но этот конкретный зоопарк был не тюрьмой, а домом для всех – двуногих и четвероногих.

Чем больше я погружался в новый, все сильнее захватывающий меня мир, тем шире раскрывались узкие створки моего сознания, пропуская робкие лучики долгожданного света. За что, за что мне эта награда, эдакому-то дураку? Что я сделал такого особенного, что кто-то свыше сжалился надо мной и за руку привел меня, как заблудившегося ребенка, к порогу нового дома?

Мне чертовски повезло!

Меня одарили этой работой, которая позволяет мне чувствовать себя королем! Она разгоняет дурные мысли и заставляет находить самому себе нужные и полезные слова. Она ощутимо оздоравливает меня душевно и физически, дает мне возможность анализировать и мыслить. Я даже зарабатываю столько, сколько мне нужно, и мне абсолютно не надо больше денег. Вот ровно столько, сколько есть, столько мне и надо. И ни на копейку больше. Я даже курить могу, когда хочу, а для меня это огромный плюс.

А еще второй огромный плюс – я могу часами проводить «инвентаризацию внутреннего содержания» моих мозгов, неспешно вынимать, рассматривать и оценивать частички своего сознания, эпизоды жизни, а потом аккуратно укладывать их обратно, понимая, что ничего не можешь выбросить в мусорное ведро. То, что стало негодным, все равно дорого тебе как память, ты встряхиваешь это, выбиваешь пыль и со вздохом возвращаешь на место... Нет, ничего я не могу вышвырнуть из составляющих и элементов своего прошлого, даже самое дурное. Все мне дорого и все значимо для того, чтобы разобраться, наконец, что же все-таки осталось от меня прежнего, а что безвозвратно утеряно в той лавине, которая снесла мою жизнь к чертям. Нет, не просто снесла, а разрушила до основания мою крошечную личную Планету со всеми обитателями и огромным куском моей собственной застиранной до дыр души.

Я знал и умел многое. Кое-что осталось во мне и сейчас. Нельзя же думать о себе только плохое и горевать над утерянным. Иногда нужно поковыряться старательно и отыскать ну хоть что-то хорошее, за что бы можно зацепиться и как-то удержаться, дабы совсем не упасть.

Я по-прежнему прекрасно ориентируюсь на местности без всяких современных приборчиков, умею читать бумажные карты и пользоваться компасом, что немаловажно, потому как для большинства нынешних экстремалов отрыв от спутниковой навигации равен ситуации, когда беспомощного слепого ребенка выкинули в темном лесу.

У меня, как и раньше, железный желудок и неразбалованный иммунитет. Я могу смело выпить воду из любой грязной лужи, и все нормально обойдется, в отличие от тех, у кого от глотка воды из лесной речки будет недельная диарея, так как они обычно пьют только чистенькую кипяченую водичку и не приучают свой иммунитет к неординарным обстоятельствам. Но в то же время, я знаю, как эту воду очистить, если возникнет необходимость.

Я по-прежнему могу съесть даже то, от чего выворачивает подавляющее количество нежных созданий. У меня изумительный внутренний механизм выживания – когда голоден, я не чувствую вкуса пищи, вообще не чувствую, и могу слопать что угодно, не поморщившись.

У меня великолепная терморегуляция тела, мне, по большому счету, почти все равно, жара или холод, плюс я знаю, как надо одеваться, чтоб не мерзнуть в стужу и не изжариться в зной. Я могу почти бесконечно долго подниматься в горы, спускаться по кручам и переносить немалые грузы.

Я отлично умею ходить. Казалось бы, ходить любой может, но это не совсем так. Я хожу ПРАВИЛЬНО, мне известно, как экономить силы, выбирать темп, отдыхать на ходу, как ставить ногу на том или ином рельефе, как спастись от мозолей и не устать очень долго. Я способен добывать пропитание почти везде и всегда, зимой и летом, я разбираюсь – где еда, а где яд, что лечит, а что убьет. А если необходимо, запросто обойдусь без пищи, не испытывая почти никаких страданий. Я умею пользоваться медикаментами и могу оказать помощь как себе, так и другим.

Я исходил в свое время многие горные края нашей страны и ближайшего зарубежья, я с «закрытыми глазами» пройду сам и проведу людей по скрытым тропам, проберусь туда, куда сунуться никому другому и в голову не придет. Если нужно, я сумею правильно спрятаться, превратиться в невидимку и скрытно передвигаться на большие расстояния.

Я чувствую, когда следует бежать, а когда нужно затаиться и ждать, я знаю, что такое лавины и трещины в ледниках, мне знакомо коварство горных рек, мне ведомы повадки диких животных. Я не растеряюсь, если ударит лютая буря, и при необходимости быстро сооружу укрытие из подручных материалов. Я умею предсказывать погоду и замечать малейшие признаки надвигающегося шторма, мне не нужен никакой интернет, чтобы знать, какая погода будет завтра.

Я умею молниеносно ориентироваться в экстремальных ситуациях. И если придется, смогу обойтись почти без всего, что считается необходимым. А если какие-либо мои познания и умения не пришлось испытать на практике, то теоретически я вполне готов опробовать их.

Я познал некие фундаментальные принципы – КАК НАДО. Вот просто – КАК НАДО. Как надо действовать, как устроен мир природы... И даже если вышвырнуть меня в той дикой среде, где я никогда не был, раз я знаю принципы, я смогу сориентироваться и понять, как действовать дальше.

Но главное... Главное даже не в этом, главное – я узнал, на что на самом деле способен человек, даже если он сам этих своих возможностей и не предполагает. Я знаю, какие силы таятся порой внутри хилых на вид организмов. И тот, кто никогда не отрывался от запрограммированного маршрута: диванчик – телефончик – компьютер -диванчик и до полусмерти уставал после воскресного похода по супермаркету, вдруг понимает, что может идти по горам день и ночь, спать на льду и жрать всякую гадость, тащить на спине тяжелый груз и при этом успевать глядеть по сторонам на белоснежные поднебесные горы и восторженно орать: «ВОТ ОНО!!! ВОТ ОНО – СЧАСТЬЕ!!!»

Я знаю, как мобилизовать эти силы в себе и знаю, какими «волшебными заклинаниями» можно вызвать их из темных подвалов подсознания в других людях. Для некоторых «волшебные заклинания» должны звучать грубо и не особо цензурно, а некоторым – стоит всего-лишь напомнить о незримых крыльях, которые есть у каждого, надо только дать им возможность раскрыться. ... Надо только встать и сделать шаг вперед тогда, когда тебе кажется, что ты уже не способен шевельнуться. Просто поверить в то, что СДЕЛАВ ШАГ, ты никогда об этом не пожалеешь, а если откажешься идти дальше – будешь жалеть всегда. Почему? Потому что ты и так знал, как жить без крыльев, а вот каково оно, с крыльями, – ты даже и не попробовал.

Когда-то и надо мной прозвучали «волшебные заклинания», но сейчас я не знаю – рад ли я тому, что позволил «крыльям раскрыться».

Крылья – это и награда, и наказание.

Награда – когда ты летишь.

Наказание – воспоминания о полете.

Крылья умирают быстро, человек слишком тяжелое создание, чтобы нести его по небесам всю жизнь. Он обременен множеством грузов – сомнениями и заботами, страхами и лишними «мудростями», необходимостями и надобностями. «Легкость бытия» приходит на миг, в который оживают крылья, а потом покидает с горькой улыбкой: – «Ну что же поделать, дорогой, ты же сам набил камнями карманы, надел самые увесистые башмаки, отожрал огромный живот и набрал на всякий случай целый мешок „самого нужного“ барахла, я... Я больше не в силах поднять тебя к облакам!»

И ты, конечно, можешь снять башмаки, выкинуть камни, но... человек слишком тяжелое создание!

И ты бормочешь что-то оправдательное в ответ, да и живешь себе дальше, как ВСЕ-ЛЮДИ, но так тяжело знать – что еще недавно ты мог летать! А сейчас остается только подхва-

тить перышко из мертвого крыла и подарить его ветру, не загадывая никаких желаний: «Лети, лети лепесток...»

ПРОСТО – ЛЕТИ!

От этих размышлений зашумело в ушах, заколотилось сердце, и я отпустил себе мысленную пощечину, чтобы очнуться.

Опять мои мысли унесли меня в сторону от основной задачи поиска «жемчуга» в навозной куче своего сознания! Опять я углубился в какие-то дебри, как будто специально пытаюсь причинить себе боль.

Нет, нет! Все не так грустно!

Я все равно еще жив и как-нибудь постараюсь если не полететь, то уж хотя бы похлопать крыльями.

Кое-кто внутри меня потряс рожками и измывательски ухмыльнулся:

«ДА!

В тебе определенно осталось немало чего хорошего!

НО!

Это абсолютно не нужно в той жизни, в которой ты живешь.

Твои выдающиеся навыки, знания и даже физические возможности ничего здесь не стоят. Они, конечно, могут вызывать восхищение типа круто, да только... зачем это все? Ты пришел в этот мир, как на рыбалку с серебряной лопатой... Лопата, конечно, красивая, из ценного металла... Но на рыбалке нужна удочка! И копать червей серебряной лопатой тоже как-то неудобно, серебро – штука хорошая, но для лопаты – неуместная».

Я подумал с усмешкой: «М-да... А он прав!»

В этом мире из меня бы получился самый успешный и гениальный бомж. Я знаю столько всего такого важного, но совершенно не нужного современному цивилизованному человеку. Столько знаний и умений в наличии, но... они никому не нужны, а мне самому вряд ли когда-нибудь пригодятся.

Да, я нашел в себе много чего хорошего, целый тяжелый заплечный мешок всего хорошего, но во всем этом великолепии таились некие моменты, которые изрядно портили общую картину.

Сколько раз в той, прошлой жизни, когда мои бурные страдания по собственной крутости и нереализованности начинали изрядно портить настроение всем окружающим, мой вечный лукавый «сосед» выпрыгивал из темного пространства сознания и с издевкой интересовался: «А если ты такой весь из себя разэдакий, сильный-умный-под экстрим заточенный, что же ты, братец, до сих пор делаешь тут, среди нас, людей простых и убогих? Шел бы в горные гиды или в армию, или бандитов ловить, или девиц в белоснежных ночных рубашках на пожарах спасать, мало ли героических специальностей на белом свете! Да уж стал бы, на худой конец, каким-то знаменитым путешественником и переплыл бы океан на надувном крокодиле или обошел бы земной шар по экватору на ходулях в костюме чебурашки! Ты ж ничего такого, братец, не совершил и даже не пытался, гниешь потихоньку и ноешь. Ноешь и гниешь. Гниешь и ноешь. А больше даже ноешь. Может, на самом деле, не настолько ты и силен-умен-высоко-развит, а просто неудачник обыкновенный, *Victus vulgaris*, который сваливает свою нереализованность на великую непонятую исключительность? И винит всех вокруг.

Ты все-таки внутренне – слабак.

Не боец.

И конечно – трус.

Только и делаешь, что оправдываешь свою несостоятельность внешними обстоятельствами.

И однажды даже жена от тебя сбежит, достанешь ты ее».

Все так, все так... Я всю жизнь жил так, будто у меня впереди еще вечность, бездна времени, и я все успею и все смогу.

ПОТОМ.

ПОТОМ все будет. Обязательно.

Сначала в горы ходил постоянно и никак не мог надышаться этим духом свободы, воли и ветра. Горы, случайные подработки, горы, снова заработал на горы и опять в горы! Отдыхался, зализал раны и снова в горы, марафон восторга и захлебывающегося счастья. А остальное – ну потом, потом как-нибудь, еще успею. Так и бежал, зажмурившись, пока однажды не оказалось, что на этом марафоне я уже не один, откуда-то взялась жена, а затем появилось потомство. Как-то все само собой случилось, в промежутках между нескончаемым бегом. Или побегом?

А потом я много чего пробовал. И нигде не прижился. И там, в горах, которые с каждым годом становились все дальше и дальше, я все потерял, и здесь, в «реальной жизни», в которую я запикивал себя в приступе ответственности перед семейством, тоже ничего особенного не нашел. И от этого становился злее и злее. Я пытался усидеть на двух стульях, хотел воли и ветра, одновременно стабильности и покоя. Так не бывает. Как минимум, у меня. И пока я терял время, пытаюсь стать добропорядочным гражданином и солидным отцом семейства, моя душа тихо подыхала в тоске. И я стал исключительно паршивым мужем и еще более паршивым папашей. Скажу честно, хоть в таком мало кто признается – периодически я их тихо ненавидел за то, что они «отрубили мне крылья», что из-за них я должен пинать ногами в угол свои мечты и зарабатывать материальные блага путем самоубийства собственной души. Хотя меня ведь никто не заставлял жениться и «обламывать себе крылья»... Как бы никто...

Но это же так убедительно воздействовало на мои мысли и поступки – «ВСЕЛЮДИ хотят семью»!

Понятное дело, я любил жену и детей, даже тещу, но все равно... изредка ненавидел. Они не идиоты, все это чувствовали.

И однажды... моя жена действительно сбежала!

Ей вдруг подвернулась возможность свалить за границу, в маленькую европейскую страну, работать самой и учить там детей, в общем, она уехала. Нет, мы не развелись, зачем, мы ведь не ссорились, не изменяли, просто ей выгоднее и лучше было уехать, ну а мне... При расставании она горько усмехнулась: «Теперь никто не будет обглаживать тебе крылья. Мы больше не будем виноваты в том, что ты несчастен. Ты свободен, ты можешь делать со своей жизнью все, что считаешь нужным. Вперед... Ты свободен!»

Прощание обошлось без драм: деловитые сборы, скупой на эмоции отъезд. И они исчезли из моей реальности так спокойно и обыденно, как будто просто вышли в магазин за хлебом. И мне, собственно, не за что было обвинять жену, считать себя преданным не было никакого повода. Все честно. Все предельно честно. Тем более... мы же не развелись. Мы просто расстались... на время. «Она вернется, обязательно вернется, и цельная жи-и-сть... впереди разольется... и мы все успеем, и обоим наклеим, и чайник согреем...» – издевательски напевал я сам себе, не в склад и не в лад.

Она просто уехала. Ненадолго.

Я немедленно уволился с хорошо оплачиваемой ненавистной офисной работы, зачем она мне теперь? Много ли мне надо, лично мне, тех чертовых денег? Да почти ничего не надо.

Сначала я даже взбодрился, вот теперь мне ничто не мешает, я буду заниматься тем, чем хочу, я пойду в горы, а моя дальнейшая биография воссияет свободой и свершениями.

Но получилось не так. Видимо, потеря ранила меня гораздо больше, чем я предполагал.

Вместо прекрасной насыщенной жизни, где никто больше «не обглаживает мне крылья», незаметно пришло что-то тягостное и мрачное, затянувшее меня в такую тьму, о которой я представления не имел даже в самых тошнотворных кошмарах. Ни в какие горы я, освобож-

денный, так и не пошел. Сначала откладывал, типа надо разобраться с какими-то делами, потом искал, с кем пойти, а оказалось – не с кем, потом еще что-то. Потом замаячил денежный кризис, ведь подходило время, когда кончатся деньги. Нужно было найти простую, не напряженную работу, а она никак не находилась, в общем, я потихоньку сползал куда-то туда, где я еще не бывал... Силы покинули меня, будто бы вдруг из моего нутра вынули батарейки, я сутками напролет сидел у компьютера, заходил на сайты с поиском работы, тупо пялился в информацию о вакансиях и курил. Даже если попадалось что-то стоящее, я находил тысячу и одну причину, по которой именно это предложение никак не подходило мне.

А однажды я обнаружил, что уже неделю не выходил из дома, не мылся и ничего не варил, ел только хлеб, консервы, сухие макаронные быстрого приготовления, даже не заваривая их.

Как-то я оглянулся по сторонам и увидел окружающую меня помойку. Остатки еды, пустые пачки из-под сигарет, горы окурков, пепел... Мне стало дурно в этом смрадном гнезде, в который превратился мой дом, но я осознал, что не в состоянии навести порядок, хоть какой-то. Я не мог даже заставить себя пойти под душ. Это была не лень, это было что-то тотально всемогущее, оно полностью охватило меня, сковало и обессилило. Одна часть мозга рассерженно твердила мне, что надо встать и что-то делать, а другая сладко убаюкивала: «Да, да, еще сигаретку, еще глоток пива, и мы встанем, и мы все сделаем...»

И так продолжалось долго.

Деньги из старых запасов уже подходили к концу. Энергии хватало только на то, чтобы раз в несколько дней доползти до магазина, купить сигарет, выпивки, хлеба и, спрятав глаза от прохожих, бежать назад в свою нору. И там снова сидеть, курить, пить и чувствовать, как тяжелая черная дыра затягивает все больше и больше. Помойка вокруг меня уже совсем не раздражала, и мне было уже не совестно, что я не моюсь и не бреюсь, что на мне грязная одежда, в которой я и хожу, и сплю.

Да мне вообще на все наплевать!

Я перестал смотреть телевизор и включать интернет.

Сначала мне звонили друзья и приятели, я не брал трубку, а потом они прекратили звонить, да и телефон я не часто заряжал.

Я перестал общаться со всеми из прошлой жизни. Нет-нет, никто ни в чем не провинился передо мной, и знакомые наверняка недоумевали, предполагая черт знает что... Но мне надо было выжить, а любое общение препятствовало этому, выволакивая из заколоченных гробов истлевшие трупы воспоминаний, и танцевало с ними inferнальное танго на моих костях. Как будто даже самые добрые намерения примеряли свинорылые маски и лезли именно туда, куда лезть было категорически воспрещено и невыносимо болезненно.

Мне было тяжело от людей, и я искал поддержки там, где ее всегда для меня было вдоволь. Я с детства привык наблюдать за поведением животных, сначала – из интереса, а оказалось – для того, чтобы лучше понимать самого себя. Мы, люди, – дети природы, и природа, наша заботливая мать, всегда дает нам подсказки, но мы ведем себя как подростки, которые всегда считают, что мама глупая и ничего не понимает. А иногда стоит повзрослеть, забросить свой всезнающий подростковый гонор и уверенность в собственной исключительности, да прислушаться к матери, да посмотреть вокруг... И многое станет проще. И понятнее. Я всегда почему-то это знал, с самых ранних лет.

Например, собаки и кошки ведут себя по-разному, когда им плохо.

Собаки в открытую показывают боль, надеясь на помощь, потому что чувствуют себя среди своих, они социальные существа, а кошки... прячут боль, они ждут в ответ не помощи, а еще большей боли, они все-таки остались дикарями, хотя тысячи лет прожили бок о бок с людьми. Кошки скрывают свои страдания, потому что показать боль – показать слабость, а если ты слаб – тебя добьют. И это осталось в хищной горячей крови, не растворилось

и не вытравилось за тысячелетия проживания на мягких подстилках в окружении полных мисок и заботливых, ласковых рук...

Я вел себя как кошка, потому что внутренне все-таки не чувствовал себя «среди своих». Я не мог показывать свою слабость – чтобы даже случайно, не желая этого, кто-либо не затронул запретные струны и не причинил мне еще большего вреда.

Я отмалчивался и «прятался в норе», я не мог сказать в лоб: «Не тревожьте меня, в этом поединке не нужны секунданты! Это не благородная дуэль, это драка в подворотне и не нужно меня „обнимать“, когда я замахиваюсь палкой на врага». Никто бы меня не понял, причины моего уединения невозможно объяснить людям так, чтобы не обидеть. Ведь в сознании обычного человека это не укладывается: как же так, товарищ в беде, ему надо общаться, выговариваться, друзья обязательно помогут... Но мне не надо было выговариваться, мне категорически противопоказано то, что взбудоражит сознание. А если «выговариваться», то придется расковыривать раны в душе, заставляя вновь сочиться гноем. Гноем, а не кровью. Потому что это все сгнило, во мне не осталось ни капли живой крови. Одно гнилье.

Мне никто не был нужен, потому что я прекрасно понимал – любые попытки помочь нанесут только еще больший вред.

Потому что не беда, когда тебя не понимают, беда – когда понимают неправильно, а ты бессильно барахтаешься в паутине словес и пытаешься до хрипа доораться до них: «Да хватит же мучить меня своими поучениями!!! Вы ничего не понимаете в том, что происходит, и никогда не поймете. Вы – здоровые нормальные люди с нормальными и здоровыми проблемами, а я – больной придурок, расплодивший в своей душе такую смертную гнусь, которую вы в глаза не видели... Чем, ну чем вы можете мне помочь? Сочувствием? Отлично... Лучшая пища для „демонов“ – жалость к себе, давайте, разжигайте ее, кормите тварей досыта, чтоб росли и размножались. Дружественным „пинком“ – вперед к счастливой жизни? А пинать давно нечего, я... каша, жижа, расплзшаяся масса, нечего пинать – только ноги увязнут... Что еще? Отвлечь, развлечь, развеселить?»

Да, некого тут уже веселить... Кроме моих «демонов».

Я страдал от одиночества? Да... Страдал.

И одновременно отталкивал тех, кто хотел мне помочь? Да. Отталкивал!

Парадокс? Нет.

Мне отчаянно был нужен кто-то, кто **РАЗДЕЛИЛ БЫ МОЮ ЖИЗНЬ ПОЛНОСТЬЮ**, каждую ее минуту. Тот, кто просыпался бы со мной по утрам и засыпал, когда опускается ночь, тот, кто дышит с тобой одним воздухом, ест из одной миски, греется у одного костра и плачет общими слезами. Кому ничего не надо объяснять.

Когда объясняешь что-то, всегда теряешь изначальный смысл, вносишь помехи, невольно искажаешь мысли, что-то приукрашиваешь, а чему-то важному не уделяешь внимания. «Не надо объяснять» – это ключевое понятие настоящего единства, настоящего родства душ!

Мне были необходимы **СВОИ**, а не **ГОСТИ**... Свои – они для любого дня, как веселого, так и печального. А гости, забредающие время от времени, не видящие всей картины, судящие со своей колокольни, со своими «полезными» советами и «правильными» взглядами – пусть заходят по праздникам, потом, если эти праздники для меня когда-нибудь наступят.

А пока я лучше посижу у своего костра один. Может, заметят мой огонь в непроходимой чаще дремучего леса... **СВОИ**, может, и подойдут!

Тяжелые челюсти депрессии азартно размалывали мои кости, я чувствовал, что до фатальной границы невозвращения осталось совсем немного, полшага, полвздоха... Нет, высасывающая жизнь тварь, овладевшая всем моим существом – это не хандра, не обида, не боль, которую можно «вылечить» разудалой вечеринкой или новой женщиной, это не имеет ничего общего с тем, что привычно называют депрессией. Бывает ситуация у некоторых, когда есть **ПРИЧИНА**, по которой приходит печаль и тоска, а после устранения препятствия

или получения желаемого человек радостно запрыгает и запляшет «как новенький» – это не депрессия. Это бытовая хандра. То, что происходило со мной, никакой очевидной причины не имело. Оно просто пришло. Само по себе. Властно, безапелляционно завладело моим мозгом, моим телом и моей душой. Произошло полное выключение всех основных потребностей. Мне не хотелось ни есть, ни спать, ни двигаться, ни общаться – только заливать пивом совесть, которая еще шевелилась и пыталась вытолкнуть меня к свету. Но голос совести, взывающий к рассудку, что надо встать, искупаться, побриться хотя бы, убрать мусор в доме, был слишком немощен. Он не мог победить всемогущую нечистую стаю, заполонившую душу и пригвоздившую меня к мертвой точке моего существования.

Бескрайняя давящая сила пришла и забрала у меня все силы, без остатка.

Она обосновалась серьезно, свила грязные гнезда, пустила ядовитые корни и, по-видимому, уходить не собиралась, разве что забрав меня с собой.

Я снова и снова дотошно перебирал механизмы моего сознания, разбираю на детали и воспоминания, пока не понял, что не потеря моей Планеты и не отъезд жены с детьми привели меня прямиком в болотную обитель нежити – это все не было ПРИЧИНОЙ.

Эта темная сила, размазавшая меня и загнавшая в угол, была только моей. Личной. Неотъемлемой частью. Как потайная неактивизированная программа, она жила во мне всегда, а когда я остался один в пустоте, из крохотной токсичной «клеточки» начало разрастаться нечто такое огромное и уродливое, что захватило меня целиком. Она была, была внутри меня, эта токсичная клеточка! Это она мне мешала радоваться жизни тогда, когда, казалось бы, все было хорошо и прекрасно, но я маялся и искал горести там, где их в помине не было. Это она, незаметная и неясная, ставила стены между мной и моими близкими, возвращала непонимание, не давала тянуться к свету чахлым росткам счастья... Она, она затмевала мне глаза и душу непонятной неудовлетворенностью всем, что у меня было. А когда у меня не осталось ничего, властно и по-хозяйски встала во весь рост, и мне уже было некуда деться и не у кого искать защиты...

– Ага, – кисло протянул мой непрошенный «врачеватель», прожигая меня насквозь черным скальпелем безнадежности, – она, она во всем виновата, болезнь депрессия, а так же они – ВСЕЛЮДИ. У любого ничтожества всегда виноват КТО-ТО. Или что-то. Это отличительная черта ничтожеств – искать виноватых. Может, уже пора, наконец, забраться повыше да сигануть в окошко? Ну чтоб, как положено, всем виноватым стало стыдно и они зарыдали в голос. Но никто не зарыдает, ты все сделал для того, чтоб на тебя было всем наплевать.

– Ну так это же замечательно! – ответил я. – Я давно мечтал, чтоб на меня, наконец-то, стало всем наплевать.

– Мечты сбываются! – темный дух прищурился, и в его узких зрачках промелькнули багровые огни. – И это самое опасное качество любой мечты.

Думаю, что я каким-то образом мог погибнуть тогда. Не знаю, каким – может быть, машина бы сбила, когда я в прострации шел в магазин, может быть, подростки приняли бы за бродягу и забили насмерть, я не знаю как, но я точно знаю, что я бы тогда погиб.

Но кое-что произошло.

Кое-что очень важное и очень вовремя.

Я хорошо помню тот день, когда я нашел свою самую лучшую работу в мире.

Эту неожиданную яркую заплатку на сером полотнище моего бытия я назвал «ДЕНЬ БОЖЬИХ КОРОВОК».

Как-то я вышел на улицу, глубоко погруженный в себя, с привычно низко опущенной головой. И тут заметил, что вокруг все как-то изменилось, я присмотрелся и увидел, что дорожки, деревья, дома, люди – все усыпано ковром из миллионов алых божьих коровок! Я замер и, наверное, впервые за долгое время поднял голову к небу. Оттуда бесшумно сыпался живой дождь из божьих коровок. Они плыли по воздуху, падали вниз, взлетали вверх, про-

странство наполнилось красными бусинками, они были везде – на асфальте, в воздухе, на моих руках и плечах...

Я не мог сообразить, как же пройти, и остановился. Мне не хотелось раздавить ни одну из них, но это было невозможно, божьи коровки заполонили мир... Они были везде.

Я стоял дурак дураком, не в состоянии сделать и шага.

Люди шли, наступали, их башмаки чавкали по лопающимся живым бусинкам, некоторые старались идти чуть ли не на цыпочках, а другие не видели ничего особенного в том, чтобы прямо по живым божьим коровкам мчаться по своим неотложным делам, оставляя за собой смертную просеку, еще шевелящийся след... А я вообще не мог двинуться, так и замер на месте, задрал голову к небу и раскинув руки...

Не знаю, что там случилось на самом деле, никогда раньше такого не видел. Ясно только, что ветер почему-то занес в город эту огромную стаю. Постепенно их становилось меньше и меньше, и я начал аккуратно двигаться, стараясь не наступить ни на одну.

Я шел, а божьи коровки еще продолжали потихоньку падать с неба, вся улица казалось красной от них, живых и мертвых... Я шел и шел, хотел просто посмотреть, где же закончится ковер из красного жемчуга, так и дошел до зоопарка. Прямо возле кассы на входе висело объявление, что требуется охранник-обходчик. «Чудесно!» – подумал я. Тут же пришло в голову, что божьи коровки подали мне явный знак, стало быть, пора начинать что-то менять. Я и размышлять даже не стал. Я уже все выбрал, красная дорога привела меня сюда. Значит, судьба. Ведь именно такая работа мне сейчас и нужна.

Меня осыпало божьими коровками как живительным дождем, и я вдруг поверил, что это смыло с меня горькую накипь, очистило и дало маленький шанс на преображение. Хотя нет... на преображение, скорее всего, я все-таки не рассчитывал, а надеялся хотя бы на возвращение к самому себе, тому, каким я был до того, как меня начал захватывать ядовитый туман депрессии, пожирать парализующий душевный некроз. Стать бы снова плохим или хорошим, это не важно, главное – живым.

Зоопарк находился рядом с домом, прямо за кварталами приговоренных к сносу «сталинских» двухэтажек. Переходишь дорогу, и вот она – работа на свежем воздухе, без лишнего общения с людьми. Мечта моя заветная! Я позвонил кадровику, актуальна ли информация о работе, обрадовался, получив утвердительный ответ, как ошпаренный, галопом помчался домой, чтобы привести себя в порядок, насколько это возможно, и... У меня появилась самая лучшая работа в мире.

Да, пора, пора схватиться хотя бы за метлу, если уж меч таким, как я, не полагается!

Пора начать, наконец, разгонять по углам обнаглевших паразитов, заполонивших все вокруг, смахивать и срывать ржавую паутину, которая почти задушила меня насмерть, открывать настежь окна, чтобы впустить свежий воздух, вымыть стекла, чтобы в дом мог войти чистый свет – ПОРА ЧТО-ТО ДЕЛАТЬ!

Сжав зубы, я решил заново учиться ЖИТЬ.

Но это оказалось не такой простой задачей. Ненасытные посланцы сумрака не отпускали меня, хотя я, как мог, пытался бороться с ними.

Задыхаясь от бессилия, переламывая катастрофическое нежелание даже шевелиться, я начал убирать в доме, заставлял себя мыться, стирал барахло, выкидывал мусор, мыл окна, мебель и вообще все, что попадалось под руки. Так я потихоньку начал раскачивать свою пустоту и наполнять ее действием. Любым. Даже совершенно бессмысленным. Главное – не сидеть на месте и не разлеживаться днем на диване.

Двигаться. Не поддаваться. ЖИТЬ.

Я помню, с каким невыносимым психическим насилием я поначалу заставлял себя ходить на дежурства, как неделями, месяцами, буквально чуть не пинками выпихивал себя из дома. Главное – выйти за порог, вышвырнуть себя из затхлой, но такой безопасной норы

и доползти до работы, перетерпеть там когда день, когда ночь, когда сутки... Все время что-то делать, забивать «демонов депрессии» всеми возможными способами.

Мне было плохо, физически плохо, нервы постоянно горели огнем, мучила бессонница, часто разламывалась от боли голова.

Я чувствовал себя старой развалиной, я ходил, не оглядываясь по сторонам, виновато опустив голову, словно весь мир указывал на меня пальцем, хихикал и издевался за спиной: «Смотрите, мертвец на работу идет! Мертвец вообразил, что он живой! Эй, попей пивка и вали обратно в свою могилу, вонючая трупанина!»

Но на самом деле на меня никто не обращал внимания, до меня абсолютно никому не было дела, даже чтобы поиздеваться.

Так продолжалось довольно много времени. На дежурствах мрачной тенью я бродил по аллеям зоопарка, старался держаться, насколько хватало сил. Но в промежутках между сменами я опять и снова проваливался в пустоту и чувал, что вот-вот сломаюсь... Мне с каждым днем было все тяжелее и тяжелее выходить на работу, я снова начал сползать в жестокое уныние. И казалось, никаких сил не хватит, чтобы победить это болото и выкарабкаться на свет. Я чувствовал, что у меня опускаются руки, чавкающая жижа затягивает, сыто урча, и скоро проглотит меня с головой. Я потеряю контроль и все то, что подарил мне ДЕНЬ БОЖЬИХ КОРОВОК... Хотя бы шанс на спасение!

Я понял, что вот-вот дрогну и упаду. ДЕНЬ БОЖЬИХ КОРОВОК дал мне возможность сделать шаг, оттолкнуться, приподняться, но дальше – надо было грести самому... А на это не хватало то ли сил, то ли воли, то ли чего-то жгучего в груди, чего у меня совершенно не осталось.

Несмотря на обретенную работу и бурную суетную деятельность, на самом деле я не выбрался к свету, все эти внешние изменения и телодвижения не дали мне ровно ничего. Моим сознанием по-прежнему владела тьма, и хоть тело боролось и металось, что-то делало, душа по-прежнему сидела в грязной вонючей дыре, в которую я превратил свой дом, паялилась в одну точку и медленно умирала. Я понял, что ни от чего пока не спасся и силы скоро покинут меня.

Мой заботливый адский «опекун» похлопывал по плечу и участливо нашептывал на ушко: «Зря, зря, братан, ты во все это ввязался. Ты же знаешь, что все равно не выдержишь, зачем ты издеваешься над собой? Зачем тебе эти бессмысленные мучения, когда ты все равно вернешься ко мне. Пошли, посидим... плюнем на все и снова будет спокойно и хорошо...»

Я устало сопротивлялся и затыкал ему глотку, эта непрерывная невидимая борьба отнимала остатки сил. А когда нервы не выдерживали перегрузки, все чаще и чаще, проявляя слабость и казня себя за это, я покорно плелся к ларьку, набирал пива, чтобы мозг расслабился, мой неотступный враг прикрыл лязгающую пасть, а я мог хотя бы спокойно поспать, без мыслей и терзаний.

И вот однажды, когда в выходной я в очередной раз пошел за пивом, кое-что случилось, кое-кто внезапно и неожиданно пришел мне на помощь.

Путь к заветному магазину шел через кварталы «сталинских» двухэтажек, которые расселили и готовили под снос. Проходя мимо, я вдруг замедлил шаг, мне показалось, что меня окликнули. Я обернулся и прямо перед собой увидел, что в грязном запыленном окне сидит огромный белоснежный кот с разноцветными глазами и глухо кричит, точнее – стонет, глядя прямо на меня. Наверное, он и раньше пытался привлечь к себе внимание, а я его не замечал в своей сумеречной прострации. Форточка была открыта, но кот не выходил наружу, судя по его истощенности, он вообще давно из квартиры не выбирался. Он наверняка ждал своих хозяев, которые ушли в новый дом и новую жизнь, посчитав его не нужным более элементом. Они были добрые люди, они оставили форточку открытой, чтоб кот мог пойти на поиски новой жизни или хотя бы смерти.

Но кот, видимо, и при хозяевах никогда не выходил из комнаты, поэтому не воспользовался предоставленной возможностью. Он, может, просто боялся даже на минуту покинуть свое жилище и думал своим кошачьим умом: «Вдруг я отлучусь на минутку, а они вернутся меня забрать. Они обязательно вернутся, ведь они все-таки любят меня, надо только быть на месте и ждать...»

Меня насквозь прошило холодом, дрожь пробрала по костям от этих мыслей. А ведь я делаю ровно то же самое. Я сижу в запертой комнате с открытой форточкой и боюсь куда-то идти: «А ВДРУГ ОНИ ВЕРНУТСЯ, а меня **нет**, они любят меня, надо только быть на месте и ждать».

Но возможно, причина, по которой я так больно и резко среагировал на этого несчастного брошенного кота, крылась совсем в другом. Может быть, причина таилась в последнем отрезке моей прошлой жизни, когда по кусочку, по камешку, по крошке... совсем незаметно начала рушиться, распадаться, улетать в бездну моя Планета. Я, конечно же, спохватился, но было уже поздно.

И главное... Глаза этого белого кота за стеклом... были такие же... как у моего... Рыжего. Такие же точно, необыкновенно умные, будто он знал все тайны Вселенной, все до единой звезды по именам, все тайные тропинки галактик, все маршруты комет и все мои сны наизусть... Как будто бы мой Рыжий вернулся ко мне бегом по радуге, чтобы в тяжелые дни быть рядом и спасти меня от тьмы.

Его глазами на меня снова смотрел КОСМОС.

Кот, кот... Я знаю твои мудреные секреты, ты кричал сквозь стекло не от голода и одиночества, ведь коты... коты скрывают свою боль!

Ты окликнул меня, чтобы я не прошел мимо, потому что увидел мою слабость. Ты не звал меня на помощь, ты – сам решил спасти.

– Опять ты насочинял вонючую кучу пафосного головного мусора! – немедленно пробудился и с ревом ощерился мой нечистый «сосед», протягивая ко мне узловатые когтистые клешни. – Блохастый просто хочет жрать! И нет никакого «космоса» в его глазах.

– Ну и хорошо, – нехотя ответил я, чувствуя, как под бескрайними вековыми льдами упрямо потянулись к свету еще слабые, но с каждым мгновением набирающие силу живые ростки, – если он ПРОСТО хочет жрать, я буду ПРОСТО его кормить. Без «космоса» в глазах.

Темный болотный дух зашипел, оседая, и скрылся в грязных булькающих водах. Но через мгновение на поверхность вырвалась скрюченная когтистая лапа, угрожающе растопырилась, а потом сжалась в кулак.

Что ж... Я нисколько не сомневался, что ты никуда не ушел, мой злокозненный темный «сосед», неистовый дух самоуничтожения! Но как минимум у меня сейчас есть удачный миг, а может, даже удачный час, чтобы попытаться выскользнуть из темницы, пока он затаился на дне.

Надо использовать это время... с пользой!

В тот день я не отоварился в магазине пивом, я купил кошачью еду и бросил коту в форточку. Как же он жадно глотал пищу, с какой болью и благодарностью смотрел на меня своими разноцветными глазами!

Я наблюдал за белоснежным страдальцем за окном и с растущим напряжением осознавал, что мне не просто необходимо найти способ вырваться из темного плена, а надо сделать это как можно скорее.

СРОЧНО и ПО-НАСТОЯЩЕМУ.

Полноценно.

Без поблажек и отступлений.

Не оставляя пожирающим меня сущностям ни единого шанса.

Не уступая им более ни клочка своей изорванной души, ее уже и так осталось совсем немного.

У меня очень мало времени, я как будто почувствовал, как включился обратный отсчет на «адском механизме», уже готовом взорваться и разнести меня в клочья – пять, четыре, три...

Не выкарабкаюсь сейчас – не выкарабкаюсь никогда.

У меня появилась зацепка – мне НАДО кормить этого кота!

Пять, четыре, три, два...

Держаться за нее и не отпускать!

Как бы не тянули меня в бездонное жерло коварные цепкие лапы свирепых обитателей глубин.

Пять, четыре, три, два... один...

Это не просто белый кот в окне...

Это мой Рыжий в самую тяжелую минуту примчался ко мне на помощь из далекого далека, вернулся из запределья, спустился с радуги, и я... Я не имею права его предать!

Пять, четыре, три, два, один... СТОП!!!

Мигающие цифры на «адском механизме» яростно вспыхнули и погасли.

Главное не забывать, что это совсем не победа – они могут включиться в любой момент!

Только попробуешь возгордиться: «Я ПОБЕДИЛ ДЕМОНА», только начнешь торжествующе ликовать и праздновать свою неуязвимость, тут же запылает лютым пламенем во тьме зловещий отсчет: «Пять... четыре... три... Я ЗДЕСЬ!»

Я не избавился от «демона», я всего лишь прогнал прочь его грязную и нахальную служанку, ведьму-депессию. Но и она не исчезла навсегда, а только отползла от порога, затаилась в кустах, моргает круглыми совиными глазами и ухает во мраке, ожидая добычу...

Мой «всезнающий советчик», мой «неистребимый сосед», мой «вероломный попутчик» и мой единственный настоящий враг – он по-прежнему со мной, только власть его временно пошатнулась.

Он остался в праве говорить – ну а я приобрел право его не слушать!

Я уныло подчинялся темной воле, оправдывая свои слабости универсальным лозунгом побежденных: «Да кому я нужен?». Кому какое дело до того, каким образом я плетусь по своей убогой дороге на кладбище? У меня никого нет, кроме моих «демонов» – а они хотя бы никогда не оставляют меня одного в пути.

Я сам по себе Планета – пустая и необитаемая, болтался себе бессмысленно в темных углах вселенной, куда не проникает свет звезд и давно никого не ждал.

Но неожиданно-негаданно у безжизненной Планеты появился маленький белый Спутник.

Теперь – универсальный лозунг отменяется.

У меня появилось полное право сказать вражьи силам: «НЕТ»

Я – нужен!

Кому-то, кроме вас!

И потихоньку, шаг за шагом, я начал выздоравливать.

С надрывом, преодолевая ежеминутное сопротивление, я начал жить по-настоящему, ну хоть как-то... Ну хоть плохенько, но жить, а не медленно умирать в захламленной помойке, сгорая от пустоты...

Я каждый день ходил кормить моего нового знакомого, мою живую «зацепку».

И каждый день, когда не было дежурств, заставлял себя чем-то заниматься, хоть чем-то – ходить по улицам, вычищать дом и гараж, готовить еду, а не покупать готовое, делать утреннюю зарядку, слушать радио, читать старые книги, все равно что, главное – НЕ СИДЕТЬ НА МЕСТЕ.

Я вскопал и очистил крошечный тещин палисадник во дворе, починил покосившийся забор, покрасил окна и калитку. Оказалось, что вокруг столько разных дел, которых я даже не замечал долгое, долгое время. И что удивительно – все они приносили мне радость!

Я отлично знал, что если опять засяду в кресло у компа и уставлюсь в одну точку, черные когтистые обитатели пустот схватят снова и больше не отпустят меня никогда.

Кот в окне «зацепил» меня за жизнь.

Если я снова опущусь в парализующую прострацию и не приду к нему с пакетиком еды – погибнет он, а следом погибну я.

Я не упущу свой единственный шанс, как бы мне не грозил кулаком из болота блуждающий ледяной бес! Как бы не сверлила меня пустыми зрачками из колючих зарослей неотступная ведьма-депрессия.

Теперь... Теперь я просто приговорен к жизни!

Почему я не забрал кота? Ну, я как бы побоялся разбить окно в доме, а выманить его через форточку не получалось. Кроме того, а вдруг за ним действительно вернутся его хозяева? Или он убежит от меня искать свой опустевший дом, попадет под машину или в пасть собакам? Неоднозначно. Пока я просто его кормил и разговаривал с ним. Кот отвечал мне благодарным урчанием и иногда скреб по стеклу когтями. Но кот при этом ждал тех, кого любит. Ждал. А я... просто буду помогать ему ждать. А он – помогать мне ЖИТЬ.

Жить оказалось не такой простой задачей, как могло показаться. Тьма никуда не ушла и пыталась на каждом шагу подстеречь и утащить за собой. Потихоньку я выработал правила борьбы с тьмой. Надо закрыться. Надо полностью закрыться и выработать ежедневные ритуалы, «найти узкую тропу» и четко ходить только по ней, изо всех сил сохраняя равновесие. Шаг влево, шаг вправо, и это чудовище схватит тебя за горло и унесет в чашу. И сожрет. Тропа должна быть узенькой, и лучше даже не смотреть по сторонам, чтобы не потерять бдительность и не соблазниться на манящие в трясину болотные огоньки. Только по тропе. И смотреть только вперед, а по сторонам и не назад – ни в коем случае! Оглядываться нельзя ни на миг, замаячат призраки воспоминаний, схватят ядовитыми клыками за горло, и... там точно гибель.

Моя «тропа» была выверенной и четкой.

Я нашел ее интуитивно, делая шаг за шагом, то проваливаясь, то чувствуя почву под ногами. Надо делать то, что не нравится «демонам», этот простой рецепт оказался удивительно действенным. «Демоны» хотят полежать или посидеть? Значит, надо вставать и идти, неважно куда, но наперекор. «Демоны» до мучительной слабости в каждой мышце мешают отжиматься или пробежаться по парку? Значит, отжимайся и беги! «Демоны» заставляют вспоминать прошлое и перебирать ошибки и разочарования? А ты, а ты... хотя бы поотжимайся! Или просто – иди... не можешь идти – ползи... Не можешь ползти – сжимай до хруста челюсти, царапай землю когтями, чтобы скрежет зубов заглушал враждебные, зовущие в пропасть, голоса: «Ты не боец, ты слабак... Ты все равно сломаешься...»

Делай все наоборот, назло, наперекор.

И никому... никогда... ни о чем... не рассказывай. В этой борьбе ты можешь быть только один на один со своим внутренним врагом. Почему? Потому что никому не дано влезть в твою шкуру и прожить твою жизнь со всеми переживаниями, эмоциями и болями. Как там говорил Далай Лама, а ведь хорошо сказал, прямо в точку: «... попробуй его слезы, почувствуй его боли. Наткнись на каждый камень, о который он споткнулся. И только после этого говори, что ты знаешь – как правильно жить».

Как бы кто ни старался, какими бы лучшими мотивами не вдохновлялся – он все равно не сможет понять тебя до конца. А значит, будет привносить лишь шумы и мусор в твою и без того слабую, неустойчивую, едва живую душу.

Никто не может быть тебе советчиком – потому что никто не может быть целиком тобой.

Дорогу надо искать в одиночку, и какая бы она не была – кривая, трудная, плохая – не надо попусту терять время и искать лучшую. По твоим следам неусыпно бредет тьма, времени до заката почти не осталось. Топай уж по той тропинке, какая есть, и никого не слушай – потому что это твоя дорога и другой уже не будет. А куда она приведет, думать не стоит: что плохая дорога, что хорошая, они все равно ведут в одну точку.

Главное – не стоять на месте.

Главное – не слушать нечисть, вопящую и воющую в дремучих недрах сознания.

Скоро зайдет солнце, но мой путь осветят луна и звезды, а если тучи скроют луну и звезды – мои глаза привыкнут к темноте, и я все равно смогу идти...

– Какой же ты все-таки пафосный дурак! – расхохотался лукавый бес внутри.

И добавил:

– «Мой путь осветит луна... мои глаза привыкнут ко тьме...» Никто не может идти бесконечно. Ты устанешь и остановишься. А я тебя сожру. И никакие звезды тебе не помогут.

– Может быть, – ответил я, – там и разберемся. А пока я буду идти.

– Без цели и смысла?

– Почему? У меня есть цель – сдохнуть только тогда, когда избавлюсь от тебя, чтоб ты скопытился с голодухи!

– Вот про «скопытился» это ты в точку, копыта у меня есть. А остальное – бред.

– Ну и ладненько, пойдешь травки пожуй, копытный, а мне пора.

Я вставал рано утром, чтобы вечером засыпать быстрее, а не мучиться от бессонницы. Я просыпался, отжимался, подтягивался на турнике, обливался ледяной водой, чтобы «шкура дымилась», пил несколько чашек термоядерного крепкого кофе, потом курил, ел сыр, колбасу и хлеб, собирал себе обед на работу, брал пакет с мусором и относил к бакам, где почти всегда ошивался Креативный Бомж.

С недавнего времени поселился у нас на районе, скорее всего в ожидающих сноса безлюдных серых домах, этот забавный бездомный. Был ли он действительно помешанный или изображал такового – то никому неизвестно. Но если прикидывался блаженным, то весьма убедительно. Если бы этот бомж был обычным человеком, он наверняка стал бы каким-нибудь навороченным кутюрье, потому что, как бы это смешно не звучало, одевался он с большим вкусом и выдумкой. Понятное дело, все бомжи одеваются с помойки, но этот тип был явно одарен, выискивал действительно интересные «наряды» и носил их с настоящим великосветским шармом.

Бомж был довольно молодой, с длинными волнистыми волосами, роскошной бородой. Последнее время он, например, носил вышитую «золотом» красную жилетку с бахромой, броский шейный платок, поверх серых штанов надевал ярко-желтые шорты, на голове носил тельняшку, лихо повязанную как бандану, и все это смотрелось очень стильно и интересно. Самое интересное, что он всегда был довольно опрятен, от него ничем дурным не пахло, а длинные волосы не казались давно немывтыми. Как ему это удавалось – непонятно.

Он ни к кому не приставал, не попрошайничал, просто бродил и разглагольствовал, закатывая глаза, то сам с собой, то с голубями на асфальте, то с облаками в небе. А еще он каждое утро сидел в позе лотоса возле мусорных баков, разворачивал кульки с мусором, глубокомысленно перебирал их до каждой бумажки и обертки, потом складывал все аккуратно обратно и брал следующий пакет.

Я не мог не злиться на бедолагу, так как догадывался, что он разбирает и мои пакеты. Мне было неприятно, что кто-то любит моим мусором, но ничего с этим не поделаешь, ибо это беззлая игра отреченного от реальности ума. Да и я сам сейчас мало чем от него отличаюсь, безжалостно констатировал я, просто ПОКА стараюсь держаться покрепче за рамки рассудка, чувствуя, как ежедневно слабеет моя хватка.

Я давал ему денежку, хотя бездомный «модник» и не просил, а в ответ нес какую-то непонятную, но явно для него забавную чушь. У меня от этого вдруг поднималось или портилось настроение – в зависимости от того, что я услышал или, вернее, что уловил из его бормотания. Странно, когда твое настроение колеблется в ту или иную сторону от не всегда понятных выражений полоумного бродяги. Но это происходило... Он заметно воздействовал на меня своими речами, попадая в самую точку, как будто ему было известно обо мне куда больше, чем это возможно незнакомцу. Да ладно, отмахивался я от таких мыслей, это лишь игра моего воображения.

Однажды он взял две десятирублевые монеты и положил себе на глаза, запрокинув голову: «Всем нужно по две монеты, чтобы закрыть себе глаза, только не у всех есть глаза. А ты ходи и всем давай по две монетки, всем давай, кто не возьмет, у того нет глаз. Так все и узнаешь, у кого есть, а у кого нет... Скоро солнце взорвется, у кого есть глаза – нужны монетки, чтобы не ослепнуть. У меня нет глаз, поэтому они мне не нужны, я отнесу их в магазин». Что он хотел сказать этими словами, я не знаю, но настроение испортилось. А позавчера: «Ты не волнуйся, что я тебе скажу, но о тебе тоже кто-то думает, там, далеко. Это плохо, когда о тебе думают, от этого появляются крысы в доме. Нужен кот – разогнать крыс. Пусть или будут с тобой, или не думают, не разводят крыс... Но они думают о тебе, нужен кот... **ЗАБЕРИ КОТА!**»

Откуда он знает про кота? Почему его бредни безошибочно попадают в цель? Или я воспринимаю его галиматью серьезнее, чем надобно? И откуда он знает, что кто-то далеко думает обо мне и, вообще, что у меня есть кто-то... далеко.

А еще у Креативного Бомжа была своя философия, конечно, странная, поставленная с ног на голову, но как-то пугающая своей агрессивной близостью к реалиям.

По его рассказам, он на самом деле принц, но в детстве его заколдовала злая ведьма. И вот он стал таким чокнутым принцем.

Король – отец, королева-мать и брат, тоже принц, очень горевали по этому поводу, что вот меньшей стал таким странным, повязал голову банданой, отрастил волосы и стал молоть всякую чушь, от которой вяли королевские уши и рыдали королевские фрейлины.

Чем больше страдали все вокруг, тем хуже вел себя Заколдованный Принц. Подложил кнопку на стул военному министру, кинулдохлого таракана в суп важному зарубежному послу, ел только из немытой посуды, на завтраке отказывался от манной каши, не менял носки по два дня, ходил по тронному залу в спортивном костюме. И поговаривали, что начал курить в туалете. Завел себе крысу с голым хвостом и пугал до визга молоденьких фрейлин.

Король, королева и особенно старая нянька были настолько огорчены поведением принца, что когда он однажды покинул дворец, только для виду поплакали, но вздохнули с облегчением.

Принц очень любил свое королевство и свою королевскую семью, особенно старую няньку!

– А отчего же тогда покинул? – спросил я.

Креативный Бомж закатил глаза к небу и торопливо ответил:

– Понимаешь... если ты любишь, ты должен облегчить страдания любимым. Например, представь, ты был замечательным сыном, мужем, другом, отцом... И когда ты помрешь, как будут горевать твои родные, ты им принесешь боль, столько будет слез и печалей... Какая же это любовь? Это чистый эгоизм. А если ты был всю жизнь дрянью последней, все только вздохнут с облегчением, что наконец -то эта скотина сдохла... и никто из твоих любимых не проронит и слезинки. Вот это и есть настоящая любовь: **СВОИМ УХОДОМ НЕ ПРИЧИНЯТЬ НИКОМУ БОЛИ**. Поэтому я решил усугубить свою «чокнутость» и стать совсем-совсем плохим, да и уйти так, чтобы обо мне никто никогда не заплакал. И никому бы не было от этого больно.

Я не знал, что ему ответить, я оказался в некоем онемении. Мой уж очень необычный собеседник заполнил паузу легким насвистыванием и добавил:

– Вот если бы у меня были враги, я бы никогда не желал им ничего плохого.

– Ты такой добрый?

– Вовсе нет. Я очень логичный сумасшедший. Вот представь. Живет мой враг долго и счастливо, он сытый, богатый, жизнь полна радости, все его обожают, живет он долго, не болеет, а тут – БАХ, приходит время помирать. Представляешь, как ему будет горько терять ВСЕ ЭТО прекрасное и хорошее, пожизненно окружавшее его? Это же так обидно и так больно – хуже не придумаешь! А если человек жил погано, он только радоваться будет, что наконец-то отбросит коньки и его мучения закончатся. Поэтому врагам надо желать только побольше счастья, здоровья, радостей, богатства и удачи.

– Мда... Даже сказать нечего. Какая на редкость циничная интерпретация заповеди «Возлюби врага своего». Но тебе простительно, ты не в себе. И еще, а если человек жил НИКАК, то как ему помираться-то будет?

– Ну, наверное, так же – НИКАК. Это тоже неплохой вариант. Куда лучше, чем в горести и печали за много чего потерянного. То есть жить надо как можно хуже – чтобы помирать легче было и не жаль расставаться с такой-то паскудной жизнью.

Помолчал мгновение и изрек:

– Плохие падут в пламя, хорошие шагнут в небо, а никакие – так и будут болтаться на пепелище и умолять, чтоб их забрали хотя бы черти.

Вот что тут скажешь?

Да ничего!

Только махнуть рукой остается. Ну что с него взять, он же сумасшедший!

Мне бы нравился этот более чем оригинальный бродяга, если бы он не разбирал мой мусор.

А прикосновение чужого взгляда к моим бытовым отходам вызывало во мне сильный и с трудом контролируемый гнев, будто кто-то вторгается в мое личное пространство и нарушает границы. Я понимал, что это глупо, но все равно... гневался.

И я вообще отметил, что последнее время много, очень много пустого мелко-бытового гнева кипело во мне. И на душе скопилось столько грязной пены, что порой мне становилось очень стыдно за свои мысли и поступки. Хотя на тот момент действительности даже гнев был куда лучше, чем пустота и отрешенность, высасывающая из меня жизнь. Гнев все-таки эмоция, а эмоции позволяют почувствовать себя живым. Гнев – очень плохо. Но иногда бывают такие моменты, когда ПЛОХО – лучше, чем НИЧЕГО. Даже плохое может спасти, если заставит «душевного мертвеца», каковым я себя ощущал, что-то чувствовать. Хотя бы гнев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.